

БОГОСЛОВСКИЕ СОБЕСЕДОВАНИЯ, II

П Р О Т О К О Л

БОГОСЛОВСКОГО СОБЕСЕДОВАНИЯ МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В ГЕРМАНИИ, проходившего в г. Загорске, в Троице-Сергиевой Лавре, с 21 по 25 октября 1963 года

Состав делегаций:

От Русской Православной Церкви:

1) епископ Таллинский и Эстонский Алексий, заместитель председателя Отдела ВЦС Московской Патриархии (глава делегации);

2) епископ Волоколамский Птирим, доцент Московской духовной академии, председатель Издательского отдела Московской Патриархии;

3) архимандрит Филарет, инспектор Московской духовной академии;

4) д-р Н. Д. Успенский, профессор Ленинградской духовной академии;

5) В. Д. Сарычев, доцент Московской духовной академии;

6) В. И. Талызин, доцент Московской духовной академии;

7) Н. П. Иванов, кандидат богословия, сотрудник редакции «Журнала Московской Патриархии»;

8) Н. А. Заболотский, преподаватель Ленинградской духовной академии, секретарь делегации Русской Православной Церкви.

По обоюдному согласию делегаций в собеседованиях принимают участие профессор и преподаватели Московской духовной академии:

1) архимандрит Пимен, наместник Троице-Сергиевой Лавры, доцент академии;

2) протоиерей К. Ружицкий, ректор академии;

3) протоиерей А. Остапов, профессор и секретарь Совета академии;

От Евангелической Церкви в Германии:

1) д-р А. Вишман, президент Отдела ВЦС Евангелической Церкви в Германии (глава делегации);

2) д-р Э. Вольф, профессор Геттингенского университета;

3) д-р Г. Харбсмайер, профессор Геттингенского университета;

4) д-р Г. Кречмар, профессор Гамбургского университета;

5) д-р Х. Шэдер, референт Отдела ВЦС Евангелической Церкви в Германии;

6) д-р Р. Сленска, ассистент Гейдельбергского университета, секретарь делегации Евангелической Церкви.

- 4) преподаватель игумен Анатолий (Кузнецов);
- 5) преподаватель священник П. Мороз;
- 6) профессор А. И. Георгиевский;
- 7) профессор М. А. Старокадомский;
- 8) профессор И. Н. Шабатин;
- 9) доцент К. М. Комаров;
- 10) преподаватель А. П. Горбачев.

а также доцент Ленинградской духовной академии А. Ф. Шишкин и другие.

1-й день

Собеседование открывается 21 октября 1963 года в актовом зале Московской духовной академии, где присутствуют, кроме членов делегации, все наставники, учащиеся академии и семинарии. Порядок открытия:

1. Экуменический молебен.
2. Речь Главы делегации Русской Православной Церкви епископа Алексия.
3. Речь Главы делегации Евангелической Церкви д-ра А. Вишмана.
4. Приветствия.
5. Молитва.

1-е рабочее заседание — под председательством епископа Алексия в конференц-зале.

Доклад д-ра Г. Харбсмайера «Спасающие и освящающие действия Божии, осуществляемые Духом Святым в богослужении и таинствах».

2-е заседание — под председательством д-ра А. Вишмана.

Доклад д-ра Н. Д. Успенского «Спасающие и освящающие действия Божии через Святого Духа в богослужении и таинствах».

3-е заседание — *вечернее*. Председательствует епископ Алексий. Дискуссия по докладам.

Доц. А. Ф. Шишкин

Сегодня в первой половине дня мы с большим интересом и с глубокой благодарностью докладчикам выслушали два доклада на одну и ту же тему. Прослушивание их, естественно, породило в душе различные впечатления.

Если в докладе нашего соотечественника и собрата, профессора Ленинградской духовной академии Н. Д. Успенского чувствовалось стремление показать, как в православной богослужебной жизни через обильное излияние многообразных даров Святого Духа в богоустановленных таинствах и Церковью созданных обрядах осуществляется ново-заветное домостроительство человеческого спасения, без тени какого-нибудь сомнения в том, что в наличных формах и проявлениях православной богослужебной жизни православные христиане имеют возможность во всей полноте поддерживать свою жизнь со Христом и во Христе, то во многих разделах весьма ценного и очень важного доклада уважаемого профессора Харбсмайера содержится весьма откровенное признание несовершенства существующих и исторически возникших форм евангелического богослужения, каковое (несовершенство) сказывается в опустошенности и чисто словесном характере богослужения, в превращении богослужения в простое учительство о Христе и в умалении христологии. Это мнение о евангелическом богослужении заслуживает серьезного внимания, тем более что оно высказано в преддверии 450-летней годовщины со дня реформации в Германии, которая наступает через 4 года. Хотя д-р Харбсмайер в своем докладе не ограничивается критикой состояния евангелического богослужения, но зна-

комит нас с теоретическим базисом и с практическими попытками, предпринимаемыми Евангелической Церковью к оживлению богослужebной жизни (я имею в виду Горенский документ 1934 года), тем не менее он не отрицает того, что процесс становления евангелического богослужения еще не закончился.

В Евангелической Церкви каждый верующий христианин может свободно изложить свою точку зрения по тому или иному вопросу. Поэтому очень часто высказывание того или другого ученого не является выражением голоса всей Церкви. Тем не менее сказанное д-ром Харбсмайером чрезвычайно важно.

Причину того, что богослужение Евангелической Церкви испытывает периодические кризисы и порождает неудовлетворенность своими формами, д-р Харбсмайер видит в недостаточно взвешанном и правильном понимании значения искупительной жертвы Господа Иисуса Христа и Его владычества для мира и над миром. Христос как бы покрывается дымкой, Он стал невидим, неосязаем и неосязаем в богослужении. Вследствие этого богослужение стало опустошенным и свелось к одному лишь учительству. Нам кажется, что неудачи, постигающие евангелическое богослужение, зависят вовсе не от того, что современные протестанты утратили способность мыслить по христологическим вопросам. В этом отношении они могут являться примером для многих и многих. Эта неудача постигает их потому, что самые творцы реформации, я имею в виду Лютера и других, хотя и были людьми весьма добросовестными, весьма искренними, но, выступая против католицизма (который никогда не являлся сам по себе выражением сознания всей Вселенской Церкви) и фактически почти не зная о Церкви Восточной, о той Церкви, которая неповрежденно хранила и доселе хранит истинное предание, не имели ясного представления, в чем должна была состоять реформа и на чем она должна остановиться. Обстановка была такова, что некогда было уяснять детали, нужно было «ковать железо, пока оно горячо». Но время шло, в самом протестантстве появились новые течения. С годами оно поделилось на ряд группировок неодинаково мыслящих людей, и в конце концов у протестантов не оказалось твердых устоев для создания твердых форм церковного богослужения. Правда, через 44 года после начала реформации в Германии протестанты обратились к Константинопольскому Патриарху Иеремии с рядом вопросов. Это было очень хорошее начало, которое весьма нуждалось в поддержке. Переписка началась благоприятно, но через 7 лет окончилась неудачей. Думаю, если бы она продолжалась дальше в братском взаимопонимании между Востоком и Западом, то проблемы, которые стоят в данное время перед протестантством, не стояли бы. Я выражаю глубокое удовлетворение тем, что в наши дни богословские беседы начались не путем переписки, а лицом к лицу.

Д-р Харбсмайер в своем докладе говорит, что форма для богослужения значения не имеет. Но у нас существует другое убеждение. Надо, чтобы эту форму не заново создавали люди в ограде церковной, но чтобы она исходила из указаний Господа, Который 40 дней пребывал на земле после Своего Воскресения и учил людей о Царствии Божием. Несомненно, что тогда были даны какие-то указания и в области чисто богослужebной.

Мои собратья согласятся в том, что мы с удовольствием будем готовы всем, чем угодно, поделиться с вами, христианами Евангелической Церкви. Мы в силах ответить: почему у нас устойчивая форма богослужения, почему богослужения не испытывают никаких кризисов, почему в них осуществляется полнота жизни во Христе и со Христом? Мы это можем сделать потому, что принадлежим к тому христианскому обществу, которое существует от самых дней основания Церкви.

Мы приветствуем все то доброе и хорошее, что нас объединяет с

Евангелической Церковью, и все, что может еще более нас сблизить в будущем.

Д-р Э. Вольф

Мы должны быть благодарны проф. Шишкину за то, что он оба доклада попытался объединить с точки зрения истории, каковая еще более уясняет, что в немецкой Евангелической Церкви произошло что-то новое, лучшее, чем во времена Патриарха Иеремии, и что для нас открылось понимание православного предания.

Я размышляю сейчас о некоторых отдельных формулировках доклада д-ра Харбсмайера. Надо думать так, что когда Бауэр приводит богословское понимание православного богослужения, он говорит реформатскими выражениями и понятиями. В данном докладе видим два комплекса: первый — призыв к человеку сотрудничать в божественном спасении вместе с Господом в богослужении и второй — очень сильное действие Духа Святого через все, что происходит в богослужении. Вот этот второй комплекс в реформации выражен недостаточно ясно и определенно. Правда, в богословии выражение его имело место, но в самом богослужении он в большой степени отступал на задний план.

Теперь действительно в недрах реформации возник процесс изменения форм. Проф. Успенский очень точно передал, какую роль в православном богослужении имеет епиклезис. Реформация не знала об епиклезисе именно по той простой причине, что Римско-Католическая Церковь в то время этого понятия тоже не имела. Правда, в евангелическом богослужении есть нечто подобное, сопровождающее таинство Евхаристии. Понимание епиклезиса в протестантизме становится все сильнее и сильнее. Но решительный шаг в протестантском богослужении в этом отношении еще не сделан.

Речь шла пока о том, чтобы слову Божию дать соответствующее место, какое дается ему в Св. Писании, чтобы понимать богослужение как ответ на обращение Божества и в то же время как свидетельствование и ответную отдачу спасительного слова. И поскольку реформация в понятие таинства вложила понятие слова, этим самым она хотела выразить реальность, можно даже сказать, материальность слова. Это говорится параллельно тому, что проф. Успенский говорил о водосвятии.

Нельзя, конечно, отрицать того, что в дальнейшем развитии реформация забыла о том, что Слово Божие творит жизнь и как судья наказывает. Последнее понимание отступило перед выражением общего религиозного сознания и ощущения и превратилось в простое учительство религиозным истинам. При этом было забыто и то, что Спаситель Иисус Христос Сам воплощает Слово в Своей личности.

Теперь начинается обратный процесс. Реформация вновь завоевывает свои прежние позиции. Во время церковной борьбы, в частности в вопросе о богослужении, как и во всем богословии, обнаружилось новое утверждение настоящей христологии. Было усилено понимание мысли о господстве Спасителя над миром. Эта мысль стала более сильной в социально-этических аспектах. Таким образом, во всеобщем понимании совершения самого богослужения, в богослужебной и молитвенной жизни Спаситель-Вседержитель занял большее место. Это позволяет нам более отчетливо, чем отцам реформации, задать вопрос о наследии, оставшемся нам от первых веков христианства. Не случайно, что у нас усилилось теперь изучение отцов Церкви не только с исторической и филологической точек зрения, как это делалось во времена Адольфа Офканата, но и с богословской точки зрения, т. е. с прямой постановкой вопроса: являются ли они нашими отцами с вытекающим отсюда следствием, что мы в нашей церковной жизни должны прислушиваться к тому, что они говорили о Писании?

Н. П. Иванов

Из содержания доклада д-ра Харбсмайера чувствуется, что представители протестантизма приближаются сейчас к нам, православным, или вернее к тому, что является первоисточком христианской религии. Мы, православные, верим, что исповедуем ту самую веру, которую исповедовали апостолы и первые ученики Христовы и которая с тех пор не менялась. Если я сейчас нахожу, что в докладе существует что-нибудь, с чем нельзя согласиться, то это там, где я нахожу несоответствие апостольской вере Древней Церкви.

В докладе говорится, что Христос уже чувствуется как присутствующий в богослужении, что расширяется круг верующих и мыслящих именно так. Но ведь это исполнение того, что сказал Христос: «Я с вами во все дни до скончания века». В докладе говорится, что Христос присутствует за богослужением и Он является гостем. Но было бы правильнее говорить, согласно апостольским верованиям, что Христос не гость, а центр нашего богослужения. На Тайной Вечери Он присутствовал не как гость, а как центральное действующее лицо. А мы верим, что литургия наша есть повторение и отождествление Тайной Вечери. Поэтому правильно в докладе проф. Н. Д. Успенского сказано, что Христос Сам совершает литургию и Он есть приносящий и приносимый и раздающий.

Второе замечание — это о понимании слова. В докладе указывается на произнесенное слово как на такое, которое воспринимается на слух. В Евангелии же сказано: «Слово стало плотью». Все православные базируются на этом тезисе. Отсюда наше понятие реальности присутствия Христа и реальности св. Евхаристии. Богослужение не есть, прежде всего, богослужение слова; богослужение есть жизнь Церкви, которая есть тело Христово. И поэтому богослужение всегда есть реальное переживание реального единства со Христом, реальное переживание не только слухом, но и всеми чувствами, ибо в первом соборном Послании Иоанна Богослова сказано: «О том... что мы слышали, что видели своими очами, что... осязали руки наши, о Слове жизни».

Трудно согласиться с приведенным пониманием Церкви как общества помилованных грешников. Помилование есть только первая ступень нашего спасения, дальше идет освящение, или обожение. Если мы анализируем все послания ап. Павла, то в первых частях их у него всегда найдем слова о том, что мы спасены благодатью через веру даром, а во вторых — о нашем участии в спасении. А в Послании к римлянам есть формула: «Если же Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас» (Рим. 8, 11). Поэтому наше спасение совершается условно в надежде, если дух живет.

Возвращаясь к богослужению, должен сказать, что богослужение — наша встреча со Христом. Эта встреча реальна не только внешне, но и существенно. Богослужение есть яркое явление жизни во Христе. Отсюда наше понятие о благодати богослужения.

Д-р Г. Кречмар

Я очень благодарен за то, что сказали Вы, проф. Иванов. Вы коснулись именно центральных вопросов.

Было бы, конечно, неправильно понимать доклад проф. господина Харбсмайера в том смысле, что у нас неправильное богослужение. В нем обнаруживаются большая любовь и большая христианская радость. Мы не хотим сказать, что наша Церковь — единственно Святая Церковь со времен апостолов и отцов Церкви. Но мы хотим вас заверить в том, что наша Церковь, наши церковные общины живут не совсем иначе, чем живет ваша церковная община. И они живут по тому же

акту, и живут тем, что в богослужении видят присутствующего Господа Иисуса Христа. Но только когда мы говорим о присутствии Спасителя в нашем богослужении, мы это присутствие отражаем в собирательном понятии категории слова. Если говорим о Духе Святом, то, конечно, не думаем, что Дух является каким-то воздушным представлением в наших мыслях, потому что Дух Святой является Третьим Лицом Св. Троицы. Также совершенно неправильно думать, что Слово понимается как просто произнесенное человеком слово. Слово является Вторым Лицом Св. Троицы. Ибо было сказано, что «Слово стало плотью». Точно так же надо понимать, что когда мы принимаем Тело и Кровь Спасителя, причащаясь хлеба и вина, то мы получаем Самого Бога. Когда мы говорим о Слове, мы понимаем самое реальное присутствие Спасителя, которое только можем себе представить. Но, естественно, сюда относится то, что присутствие Спасителя Христа взывает к нашей вере. И я думаю, что в этом отношении, в этом понимании лютеранская реформация была единогласна с мнением раннегреческих отцов Церкви, хотя те и другие, возможно, употребляли различные выражения. Я как раз вспоминаю прекрасные моменты, взятые из литургии Иоанна Златоуста, которые сегодня нам были приведены г-ном Успенским. Надо, чтобы все важное в нашем богослужении было бы ясно всем.

Если мы подойдем к водосвятию в том месте, о котором говорил проф. Вольф, водосвятию, которого в нашей Церкви мы не знаем, то увидим, что оно имеет в виду таинство Крещения, как это было в Древней Церкви. Для чего освящают воду? Воду освящают для того, чтобы крещающийся вступил в нее и через воду был освящен. И это точно так же, как и все молитвы эпиклезиса в литургии у нас направлены на причастие. Большая молитва перед причастием славословит Бога перед тем, как Бога мы получим в наши уста. Сами вы утром цитировали прекраснейшую молитву, которая очень древняя и которую мы видим у апостолов и отцов Церкви. Эта молитва предназначена для испрошения причастия не в суд, а для получения благословения. Когда получает человек причастие Св. Даров в суд? Он причащается в суд и во осуждение, когда получает Св. Дары без веры. Теперь о молитве водосвятия. Она направлена к тому, чтобы тот, который будет креститься через освященную воду, соединился со Спасителем. Можно распространить это понимание на все то, что вы называете таинствами, но мы его распространяем не на все. Всегда вопрос ставится о вере принимающего действие таинств. И эта вера указывает на Животворящее Слово Откровения, Откровения, к которому заставляет обращаться Дух Святой. Я еще хочу указать на один момент в таинстве Священства. Я надеюсь, что вы меня простите, г-н Успенский, если я возражу одной из Ваших фраз. Если я правильно вспоминаю. Вы говорите, что рукоположение стало необходимым ради Евхаристии, а не ради Крещения и других моментов. Я не хочу разделять проповедь, Крещение и таинство Причащения. Посмотрим на прежние формы рукоположения. Теперь существует мнение, почерпнутое из Нового Завета, которое мы видим у историков Церкви, что апостолы этот обычай, эту форму, заимствовали от еврейских рукоположений. Правда, у христиан вопрос стоял о Духе Святом. Но есть одно обстоятельство, поясняющее, почему именно апостолы вернулись к этому обряду. Речь идет о сохранении святой традиции, но не о сохранении какого-то закона. Именно таким образом слово Спасителя было выражено в словах апостольских. То, что здесь идет речь о сохранении слова, видно из самых древнейших упоминаний о рукоположении, в частности, в Послании к Тимофею: «Храни предание». Согласно самому древнему, Сирийскому, чину епископской хиротонии, который известен с IV века, епископу клали Евангелие на спину. Епископ Бранденбургский Матфей

в XVI в. обратился к этому чину рукоположения во епископа, когда он вводил лютеранскую реформацию в земле Бранденбурга.

Хочу сказать немного относительно наибольшей общности обоих докладчиков в той части, где они коснулись эсхатологических вопросов. Здесь, не смотря на общность, есть разница во взглядах. У вас обращение к эсхатологии является окончательным. Я понимаю, что в вашем богослужении уже небеса отверсты, и все будущее и настоящее окончательно решено. Могло бы показаться, что г-н Харбсмайер все представил как раз наоборот. Можно подумать так, что у нас все, до сих пор имевшее место в форме служения, является только переходной ступенью. Я понимаю глубинную разницу в наших представлениях о богослужении и думаю, что это как раз та область, где мы могли бы кое-чему научиться у вас. Но все-таки считаю, что центр того, что происходит в богослужении, указан в доктрине Харбсмайера о слове Христовом. В слове сказано: «тебе здесь отпускаются грехи», и тем самым обещается полнота благодати. Больше этого нет ничего. Это действительно есть небо на земле.

Доц. Н. А. Заболотский

Я хотел бы вспомнить сказанное г-ном Харбсмайером в начале его доклада о впечатлении, какое произвело на наших евангелических друзей православное богослужение, и в связи с этим сказать, что мы сейчас в нашей дискуссии можем углубиться в богословские вопросы, конечно, далеко. Но не нужно забывать, что мы находимся лишь на второй ступени нашей дискуссии. И естественно, мы не можем разрешить все наши проблемы до конца. Богословское собеседование имеет большую перспективу. Важно, по-моему, отметить, что наши первые шаги должны быть шагами поисков нас объединяющего, а не разъединяющего. В этом направлении являются ободряющими слова г-на Харбсмайера о молитве и о том, что православное богослужение произвело на него глубоко благодатное впечатление.

Мы, православные, веруем, что благодать веры, благодать Духа Святого проникает всю нашу жизнь, а значит, и наше богослужение.

Мы веруем в освящение благодатью Духа Святого всех сторон человеческой жизни и в связи с этим говорим о семи таинствах. Жизнь человека проходит в Церкви, а Церковь — это богоустановленное учреждение, которое началось Иисусом Христом — нашим Господом и закончится, когда будет решена поставленная перед ней эсхатологическая задача. Церковь, естественно, проникнута дарами Духа Святого, многообразными и многообразными, как и ап. Павел говорит. Для нас эти дары воочию проявляются в благодатных таинствах.

Сейчас на второй ступени нашего богословского диалога очень приятно констатировать, что благодатная атмосфера нашей Церкви проникла всех нас. И можно думать, что благодать Божия, коснувшаяся наших сердец теперь, будет и дальше вести нас по пути к церковному единству.

Проф.-прот. К. Ружицкий

Сегодняшний благословенный день начался прослушанием интересного доклада, который, я должен сказать, не может быть со всех сторон внят и раскрыт только одним слушанием. Поэтому трудно отметить все его стороны, которые могут вызывать вопросы и недоумения.

В беседе с одним из наших высоких гостей я сказал, что реформация, и, в частности, Евангелическая Церковь, научила нас, православных, проповедовать и понимать, какое значение имеет для Церкви проповедь. Теперь мы благодарны вам за такие обстоятельные и глубокомысленные, можно сказать, философские речи, какие мы выслушали от вас. Мне было приятно слушать эти красивые речи, но не

обидьтесь, если я скажу, что вы не сделали ни одной ссылки на Св. Писание, хотя и заявляете, что слово Божие — это существенный признак проповеди.

Хочу по-братски сказать еще, что в будущем я хотел бы, чтобы не только мы, профессора и ученые люди, понимали друг друга, но чтобы нас могли понимать и рядовые верующие. Для этого нужно более ясно, отчетливо давать все понятия веры. И поэтому, чтобы наше взаимопонимание не вызывало споров и дискуссий, мне кажется, нужно стремиться к тому, чтобы наши дискуссии носили бы более определенный и ясный характер. Я тридцать пять лет был в приходской обстановке священником и был в то же время как бы начальником над своими собратиями. И меня интересовало, какое впечатление у верующего от проповеди того или иного священника. И вот мне было несколько печально слушать, когда говорят: «Вот отец Павел так красиво говорит, но что говорит, в конце концов, непонятно. А вот отец Петр так скажет проповедь, что всем понятно».

Я это высказал по-стариковски, что ли, но хотелось бы, чтобы наши будущие доклады имели большую доступность. В частности, если бы вы меня как ректора спросили, в чем же заключается мнение относительно спасающих действий Божиих в таинствах как таковых, то на этот вопрос мне было бы трудно сказать на основании того, что я слышал здесь. Мне кажется, легко нам будет в будущем — как Успенскому, так и всем профессорам, нашим дорогим гостям, — быть более понятными для души и человеческого разума, когда мы уделим больше внимания изучению наших древних святых отцов. Ведь проф. Успенский повторял те молитвы, те выражения, которые давным-давно были приняты всей Христовой Церковью. Если бы он высказал, быть может, глубокие, но только личные впечатления, они не имели бы такой важности и спасительной силы.

Но надо отметить обнадеживающее обстоятельство, какое открывается нам в том, с какой искренностью и объективностью высказываются наши гости о недостатках своей Церкви. Они ясно говорят, что решили черпать по крайней мере из богослужбной нашей практики все то, что может оживить. Именно в богослужении мы и найдем наилучшие точки соприкосновения. Я помню, когда приезжали ваши соотечественники в 1958 г., они в такой же братской беседе говорили: «Мы поняли, слушая ваше богослужение и видя ваших певчих, что мы уже не умеем так молиться». То внутреннее сердечное впечатление, которое получилось у наших гостей от нашей общей христианской молитвы, является очень хорошим началом. Если Евангелическая Церковь имеет высокую цель воспринять все лучшее из богослужений других христианских обществ, то я глубоко верю: это будет самым действенным, самым активным средством нашего сближения.

4-е заседание. Председатель — д-р А. Вишман.

Продолжение дискуссии.

Проф. д-р Н. Д. Успенский

В докладе моего коллеги проф. Харбсмайера действительно было неясно, о каком «слове» идет речь. И сам г-н Харбсмайер говорил, что иногда так и думают, что речь идет о слове физическом. И я понимаю в этом отношении выступление А. Ф. Шишкина.

Нам, православным, приятно слышать заявление, что в лютеранском богослужении реально присутствует Святой Дух и что лютеране причащаются Тела и Крови Христовой, принимают в себя Бога. Я думал, что они к этому придут в порядке этого собеседования, потому что сама тема наших докладов есть действие Божие через Святого Духа в богослужении. И мне думается, что если это является общим

признанием, тогда у нас, в сущности говоря, половина дискуссии разрешается.

Теперь по поводу хиротонии. Или Вы, г-н Кречмар, меня не поняли, или я Вас не понял. Я не буду говорить об истории хиротонии и самого руковождения, потому что это заняло бы целый час времени. Я только хотел отметить в докладе важность церковной иерархии, такую же важность, как и Евхаристию.

У нас в Православной Церкви крестить человека имеет право по нужде, и, если нет священника, и мирянин. У нас проповедают ученики семинарии и академии, миряне. И мы этому найдем основание в Св. Писании. Неоднократно ап. Павел говорит, чтобы христиане назидали друг друга. А вот Евхаристию никто не может совершать, кроме священника или епископа. Если бы человек умирал и нужно было его напугать, причастить, и здесь был бы диакон, то и в таком исключительном случае он не может совершить Евхаристию. И это, конечно, древняя традиция. Безусловно, в Апостольской Церкви совершение Евхаристии принадлежало харизматикам.

Вы сослались на ап. Павла и именно на хиротонию Тимофея. Да, там говорится: «Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства» (1 Тим. 4, 14). По пророчеству — я подчеркиваю. Конечно, Тимофей, прежде чем стать апостолом, принять все апостольское служение от Павла, проявил себя как харизматик, пророк. Поэтому я и сказал, что Евхаристия создала иерархию, отмечая этим высокое служение церковной иерархии.

И последний момент — о водоосвящении. Я согласен с Вами, что водоосвящение — назовем его обрядом или богослужением — сравнительно позднее время, ни первого, ни второго, может быть, и не третьего веков, и что оно имеет начало в Крещении. Но Вы поймите теперь, в чем суть учения о благодати в Православной Церкви. Когда-то водоосвящение служило для крещаемых, а затем оно сохранилось как самостоятельный чин, и через него Церковь призывает благодать Божию уже на крещеных, тех, кто будет мыться ею, касаться ее и так далее. Вот здесь явно и выступает та полнота благодати Святого Духа, которая дана Церкви. Церковь сохраняет обычай освящать воду и с этим освящением передает Божию благодать. Это не антикварное явление, не древняя традиция, а живая жизнь Церкви.

Проф. Г. Харбсмайер

Прежде всего, я хочу обратиться к моему коллеге г-ну проф. Шишкину. Я начал свой доклад с того, что сказал о впечатлении, под которым я нахожусь со вчерашнего дня после присутствия на вашем богослужении. Во время богослужения я находился не в том доме, не в том здании, в каком привык находиться во время богослужения у себя дома. И тем не менее, я чувствовал себя совершенно дома, чувствовал пребывающим у Того же Господа Живого, с Которым нахожусь и у себя дома. Я находился совсем под другим впечатлением от этого богослужения, нежели как это показалось моему коллеге проф. Шишкину. Я позволю себе задать вопрос: какое это имеет богословское значение? Этот вопрос мы не будем здесь дискуссировать, но он меня очень трогает и волнует. Присутствие Божества происходит в совершенно различных зданиях и под совершенно различными формами. Но тем не менее оно происходит, оно имеет место. И то, что я называю различными домами, это я в своем докладе и определил как «дом гостя». Так говорит Господь, имея в виду собрание общины, провозглашающей Его слово. Слово, подаваемое в таинстве Причащения. Здесь в богослужении дается общение, присутствует Сам Христос. Он присутствует в проповедуемом слове и в раздаваемом Причащении.

И Он через Самого Себя дарует нам спасение, наше освящение, нашу жизнь и нашу духовность.

Эти слова не должны ни в малейшей степени быть ослаблены тем, что я говорил позднее о формах. Мы теперь касаемся лишь форм богослужения. При этом я хочу наших православных русских братьев попросить, чтобы они вспомнили о том, что реформация началась с покаяния, с возвращения Церкви к своим первоисточкам. Реформация может быть еще понята и как возвращение домой, назад к истинному богослужению.

Теперь, обращаясь к г-ну ректору, хочу сказать, что и я в течение многих лет был пастырем как в деревне, так и в городе в Германии. И во время пастырской деятельности я всегда приобретал на основании опыта обратное впечатление, нежели Вы, глубокоуважаемый г-н ректор. В Германии не только простые люди, но даже студенты не считали бы речь точной, если бы там давались библейские цитаты. В последнем случае вышестоящие сказали бы: он только цитировал Библию, и мы ничего не поняли. Исходя из этой посылки, надо понятной доклад.

Доц. В. Д. Сарычев

В докладе проф. Харбсмайера достаточно ясно сказано, что в евангелическом богослужении в основном превалирует служение проповеди. Имеется в виду это превалирование не только в прежнее время, но и теперь. С православной точки зрения можно сказать, что по существу мало что изменилось в евангелическом богословии.

Совершенно правильно указывает проф. Харбсмайер, что именно в православном богослужении усматривается сохранение основных элементов действия Божия. И в этом смысле, я могу утверждать смело, его доклад служит единству наших целей.

Разъяснение, которое внес проф. Кречмар, сближает нас еще более, потому что и мы ведь признаем, что в богослужении ожидаем и молим о присутствии Слова, как Ипостаси, и Духа Божия, как Ипостаси Божией.

Внутренний смысл, внутреннее стремление христианина остается неизменным в наших воззрениях. Но нельзя отнимать содержание от формы. Форма в богослужении имеет, несомненно, чрезвычайно большое значение. Для разумения этого нужно вникнуть в содержание слова «богослужение». Если бы это было достигнуто, спор о значении порядка и формы в богослужении не возник бы.

Мы наблюдаем и слышим признание наших гостей в том, что богослужение является человеческим порядком, а не Божественным законом. Нам кажется, что именно такое воззрение, которое является очень широким в евангелических кругах, и привело к той разнице в форме и в существе богослужения, которую мы теперь наблюдаем. Между тем, по православному воззрению, богослужение хотя принципиально и может менять свои формы, но менять все-таки по какому-то закону, притом определенно — по Божественному закону.

Богослужение в Церкви — это не человеческий порядок, а порядок Богочеловеческий, поэтому формы богослужения хотя исторически могут меняться, но по существу должны сохранять Божественную святость.

Совершенно человеческим является распространенное в Германии мнение, что любовь, сила и истина связаны исключительно со словом. Нам кажется, что с большим основанием можно сказать, что любовь, истина и сила связаны не со словом, а с делом.

Что же является действием Божиим? Несомненно, основным действием является Его Искупительная жертва. Она и есть центр нашего православного богослужения. Я уверен, что здесь имеет силу прямо-

свидетельство Св. Писания. Христос сказал: «Сие творите в Мое воспоминание». И Православная Церковь творит заповеданное Господом в воспоминание Христа, Его дел, не только в Жертве, но и в творении и Промышлении. Круг православного богослужения является воспоминанием этих дел Божиих, начиная с творения мира. Благодарно-молитвенное воспоминание дел Божиих приближает душу к Богу, и этим достигается благодатная цель богослужения — общение человека с Богом.

Но центром, основой богословия Православной Церкви все-таки остается воспоминание об Искупительном действии Сына Божия так, как изначально установила сама Церковь. Главное в богослужении — это устойчивые формы молитв и священнодействий. Православная Церковь отдает не основное, а второе место индивидуальному существу, хотя бы это был и священнослужитель. Я имею при этом в виду проповедь священнослужителя. У нас проповедь не есть основа богослужения, а разъяснение богослужения. Превалирование одного человека в Евангелической Церкви, определяющее содержание и сущность литургии и богослужения в целом, нам представляется непонятным.

Д-р Г. Кречмар

Я думаю, что сказанным Вы подвели нас к центральному вопросу. Но для того, чтобы понять друг друга, мы должны кое-что подразделить. Глубокоуважаемый г-н ректор напомнил нам о том, что мы должны начинать размышления от времени Древней Церкви, и я думаю, было бы правильно, говоря о богослужении — и как о форме человеческого служения, и как о Божественном законе, вернуться назад, к отцам первых веков.

Напомню общеизвестный факт, относящийся к тому времени и свидетельствующий, что епископ имел право, по требованию обстоятельств, совершенно свободно формулировать текст молитвы. Об этом сказано в первоначальных установлениях Церкви.

Чем же было богослужение времен первого христианства? Обращаясь к св. мученику Иустину и к памятнику древнейших церковных установлений — Дидакалии, мы находим, что для повседневного богослужения необходимы две вещи: чтение с проповедью и причащение Св. Таин и Евхаристии. Как при этом определяются действия епископа? О них сказано так: епископ это слово произносит, или как там дословно выражено, «он дает это слово вкусить». Эта двойственность в понимании «слова» и двойственность богослужения продолжалась в IV и V веках. Она затухала позднее, но не потому, что погасла проповедь. Церковь Греческая всегда была проповедующей. Дело заключалось в том, что община не всегда принимала участие в причащении. Это обстоятельство выдвинуло проблему, к которой подошла реформация. Реформация в полном согласии с Древней Церковью думала, что для истинной Евхаристии обязательно и причащение Св. Даров. И она считала, что богослужение нарушается, если община не причащается Св. Даров. Хотя Лютер не имел достаточных исторических познаний, он хотел создать единство проповеди, Евхаристии и причащения. Здесь он действовал иначе, чем, например, Цвингли, который продолжил средневековую традицию, предписывающую причащение преподавать один или четыре раза в году. Лютер хотел восстановить повседневное причащение общины, и в этом направлении он начал действовать совершенно так же, как действовали отцы первых веков христианства, которые исходили из тех же самых положений, из почитания Тела Христова с благоговейным страхом.

В связи с этим встает вопрос: что же останется от богослужения, если из него будет изъят такой важный, решающий момент?

Мы имеем большое преимущество, что знаем ваши евхаристически-

формы, а если бы мы их не знали, то вчера имели возможность их видеть и присутствовать при них. Я думаю, что среди наших братьев, слушающих нас, найдется много таких, которые присутствовали на обыкновенном воскресном лютеранско-евангелическом богослужении с причащением. Если бы вы изучили его, то увидели бы, что в основном, в общих формах, богослужение наше мало чем отличается от богослужения раннего средневековья, времен великого раскола Церквей.

Но имея сейчас твердые и определенные формы служения, мы остаемся за пастырем общины возможностью некоторого изменения текста молитв, некоторого особого их совершения, именно потому, что последовательность слов молитвы и сами слова, произносимые в молитве, несомненно, являются человеческим порядком, конечно, руководимым Духом Святым. При этом основные структурные части богослужения: проповедь и причащение Св. Даров — в какой-то степени могут быть определены как Божий закон. Ибо нет Церкви без Евхаристии, как не может быть Церкви без проповеди. Конечно, и в своей сущности Евхаристия имеет свойственный только ей порядок. Для нее необходимы хлеб и вино, нужно воспоминание установления ее Христом, необходима молитва и необходима раздача. И я считаю, что здесь безусловно имеют место первоначальные основы древнего христианства. При совершении Евхаристии необходимо слово, которое указывает на Жертву, принесенную Христом. Жертва Христова находится в основе всех богослужений, и этой Жертвой Христовой живет наше евангелическо-лютеранское богослужение.

Конечно, между нами могут быть различия. Но здесь вопрос будет касаться того, где начинается свобода и в каком отношении к свободе стоят другие вероисповедания. Я хотел бы попутно вспомнить то, что вчера меня удивило в столь прекрасном и удивительном богослужении. Кульминационный пункт богослужения, на который нам часто указывал д-р Успенский, это преломление хлеба для участия в Причащении. Он занял из всего хода богослужения, может быть, всего 10 минут, а все богослужение длилось более двух часов. В преломлении явился самый решительный момент, сердце богослужения.

Конечно, у нас, возможно, есть серьезные моменты, в которых мы не согласны друг с другом, но мы все-таки должны понять, что имеется очень большая плоскость, в которой мы мыслим совершенно одинаково.

Проф.-прот. А. Остапов

Я здесь присутствую как представитель кафедры Церковного искусства. И сегодня, выслушав доклад нашего немецкого коллеги, мне хотелось бы остановиться только на той части, где он говорит об образе. Мы, православные, не представляем себе молитву без образа, без икон. И мы не считаем это своей слабостью. Икона самым тесным образом связана с догматом Боговоплощения. Божественное Слово для спасения человека воплотилось, приняло плоть. И Христос учил не только словом, но и Своим видом, Своим образом. И мы знаем из евангельских страниц, какое великое значение имел облик Спасителя, даже Его молчание. Поэтому мы считаем и верим церковному преданию, что начало изобразительному преданию положено Самим Спасителем. Наши иконы появились не сто, не двести лет назад. Предание возводит их к земной жизни Спасителя. И мы глубоко верим в появление нерукотворного образа Спасителя. Икона не только несет проповедь о Христе, она свидетельствует о Нем. Она, конечно, не противоречит слову, но расширяет это слово. Она делает это слово наглядным, но наглядным не чувственным очам. Через чувственную оболочку мы призваны проходить вглубь, в сущность этих изображений. И внешние формы икон открывают нам язык будущего. Слово может остаться

ся словом. А мы призваны, чтобы слово Евангельское претворить в жизнь, для этого нужен подвиг всей жизни. И икона составляет часть богослужебной жизни, нужна она для того, чтобы полнее жить Церковью и чтобы наша жизнь приближала нас к духовной жизни, к спасению. Поэтому существует известная вам область богословия — богословие икон. И победа над иконоборчеством, из истории Церкви вам известная, явилась победой Православия. Понять икону — значит понять Православие.

Архимандрит Пимен

Мне хочется обратить внимание на то место речи г-на Харбсмайера, где он сказал, что момент, когда реформаты чувствовали опустошенность в своем богословии, когда существовала опасность впасть в учительство при произнесении слова, является в истории реформации уже пройденным этапом. Так что мы сейчас становимся свидетелями того, как внутри реформированной Церкви происходит шествие по пути духовного, церковного прогресса. Этот прогресс мы почувствовали также и в других словах г-на Харбсмайера. Думаю, что если бы он готовил свой доклад после посещения нашей Церкви, то, возможно, он посетил бы туда еще более близкие нам положения.

Нужно сказать, что существует очень много основ первоучения, которые общи и для Евангелической Церкви, и для Русской. Как сказал Н. П. Иванов, много общего между протестантским учением и древнеапостольским.

Здесь Н. А. Заболотский привел древнее мудрое изречение, именно, что нужно обращать внимание прежде всего на то, что нас сближает, а не на то, что нас разделяет. Нас сближает очень многое, и мы должны этому радоваться и за это благодарить Бога. Каждому из нас — как человеку православного исповедания, так и христианину реформатского исповедания — ясно, что Бог пришел на землю для того, чтобы спасти каждого человека. Мы все воодушевляемся, когда вспоминаем слова Спасителя: «Я — Путь, Истина и Жизнь». В этом большая общность. Действительно, каждый из нас может сказать, что Христос — это мой истинный путь к истинной жизни.

Как нужно идти по пути к истинной жизни, мы должны были услышать из двух сегодняшних докладов. Но мы встретились со многими трудностями. Мы говорили об истине различно. А мы знаем, что истина только одна, не может быть двух истин. Следовательно, нашей задачей было открыть и усвоить эту общую истину, расчистить пути к ней, которые для нас почему-нибудь неясны или не открыты.

Очень хотелось бы установить данные, которые способствовали бы нахождению максимального и скорейшего взаимопонимания. Мне кажется, что одна из причин наших некоторых недопониманий друг друга состоит в неправильной формулировке некоторых понятий. Терминология — это основа всякого понимания в области научного мышления. Как пример можно привести различное понимание: слова, проповеди, возложения рук (потому что было простое возложение рук как благословение и было возложение рук при посвящении). Точно так же встречается разница в определении понятия освящения. Вот что создает очень многие затруднения. Поэтому я предложил бы при составлении конечного резюме, которое придется очень скоро составлять, прежде всего, отметить те понятия, в содержании которых мы не сомневаемся, содержание которых совпадает в представлении обеих Церквей. Затем мы должны особо выделить те понятия, те богословские термины, в которых мы друг друга не понимаем. И на эти понятия нужно будет обратить особое внимание.

Естественно, резюме не является конечной целью нашей работы. Мы должны смотреть вперед, мы должны думать о том, чтобы сдвинуть

с мертвой точки вопрос о нашем сближении. Следовательно, мы должны подготовить богатый и очень интересный материал для следующего шага. Слишком смело было бы надеяться на большие результаты нынешних собеседований, однако мы должны стремиться к тому, чтобы сделать максимум возможного.

Я хочу в заключение затронуть поднимавшийся здесь вопрос о том, что в докладе нашего глубокоуважаемого немецкого коллеги не приводились тексты Св. Писания и свидетельства древних отцов. Мы никоим образом не желаем в чем-то укорить нашего дорогого коллегу. В ответ на замечание о ректора о том, что люди с трудом понимают проповеди, которые не содержат в себе ясной мысли, г-н Харбсмайер сказал, что исключительный набор текстов Св. Писания также не даст никакой ясности. Конечно, речь идет не о такой крайней точке зрения, а о том, чтобы преподнести истины вероучения на основании слов Св. Писания, которые, несомненно, исключительно ценны при сопровождении мыслей, излагаемых проповедником. Как вообще в вопросе о спасении мы говорим о единстве, о связи Бога и человека, так же и здесь в проповеди нужно, чтобы говорили Бог и человек. Что касается учения святых отцов, то надо сказать, что мы рассматриваем их не только как аскетов, но и как людей, имеющих богатый духовный опыт. И мы не можем пренебрегать этими свидетельствами. В данном случае мы слово Божие можем сравнить со словами врача, а слова святых отцов — со словами больного, который выслушал совет врача и выздоровел. В некоторых случаях люди больше внимают тем, которые рассказывают о своем исцелении, чем словам врача. Но мы, конечно, далеки от такого сравнения в отношении слова Божия.

Вот несколько мыслей, которые я хотел высказать.

Проф. А. И. Георгиевский

Д-р Кречмар поделился с нами своими впечатлениями о Божественной литургии, и, как мы слышали, посещение ее произвело глубокое впечатление на наших гостей. Естественно сейчас остановить внимание на структуре и на внутренней стороне нашего богослужения.

Проповедь не есть нечто случайное в чинопоследовании Божественной литургии. Проповедь органически входит в состав последования литургии, той ее части, которая называется учительной и которая входит в литургию оглашенных, где молящиеся научаются основным истинам веры Христовой. Проповедь не есть нечто только современное, вошедшее в церковную жизнь после Лютера. В древних литургиях мы обнаружим ясные указания на проповедь, как на составную литургическую часть. Поэтому Православная Церковь, следуя древнему преданию, и имеет проповедь как органическую часть литургии.

Теперь нужно сказать о внутренней стороне богослужения. К ней принадлежит участие всех в богослужении. В литургии нет ни зрителей, ни наблюдателей, а все являются молящимися. Одни из них предстоятели, а другие — миряне. Но все они вместе составляют Тело Христова, Глава которого — Господь наш Иисус Христос. Поэтому наша св. Церковь считает очень важным, чтобы каждый из участников богослужения, каждый из молящихся был достойным его участником, чтобы предстоятели имели дерзновение совершить Божественную литургию, литургисать, а молящиеся имели право принять участие в Чаше Господней, ибо мы помним слова ап. Павла: «Ядый бо и пийй недостоине, суд себе яст и пиет».

Православное богослужение требует от его участников большой внутренней подготовки. И весь круг нашего суточного богослужения в той или иной степени готовит каждого участника богослужения именно к тому, чтобы у него был такой мир, такое душевное состояние, с которым он мог бы приступить к Св. Тайнам и почувствовал бы Христа.

Я хотел бы еще остановить внимание на одной из сторон доклада проф. Харбсмайера, где он говорит о новом веянии в протестантском мире, о становлении протестантства на путь к преданию. В самом деле, это есть путь, который дал бы хорошую почву для сближения между нашими Церквами.

Церковное предание имеет очень важное значение в жизни Церкви Христовой. Стоит только вспомнить хотя бы 28-ю главу, стихи 19—20 Евангелия от Матфея. Спаситель говорит: «Шедше убо научите вся языки...» и т. д. Но все, что Он заповедал, говорит Иоанн Богослов, «и самому миру не вместить бы написанных книг». Св. Василий Великий в своем трактате о Святом Духе, в заботе о богослужении, в стремлении сохранить дух апостольский и передать его другим поколениям, говорит, что мы восприняли от апостолов и от их последователей не только то, что приняли в письмени, не только то, что было передано в устной речи, но и то, что было передано в движении. Вот какое большое значение придавал св. Василий Великий преданию.

Наша Православная Церковь хранит, как зеницу ока, предание церковное. И мне кажется, изучение древней письменности, с одной стороны, а с другой стороны, изучение последовательности литургии, которая у нас содержится в практике по чину Василия Великого и Иоанна Златоуста, дадут богатейший материал для того, чтобы наилучшим образом уяснить церковное предание. А это изучение даст возможность ближе понять друг друга.

К. М. Комаров

В докладе проф. Харбсмайера я, как преподаватель Ветхого Завета, обратил внимание на фразу, что Христос — Бог, Эммануил. Как мы знаем, название Христа Эммануилом взято из книги Исаяи (гл. 7, ст. 14). Тот же пророк в 11 главе 2 стихе раскрывает дары, которые имеет Эммануил. Их оказывается семь, и Спаситель сказал, раскрыв книгу: «Дух Господень на Мне». Как раз это место принадлежит пророку Исаяи. Значит, Он признал на Себе полноту даров Святого Духа. Второй момент — Христос Эммануил является Телом Церкви Своей. И Церковь, по православному учению, имеет полноту даров Святого Духа. И в докладе Н. Д. Успенского указано семь таинств. Полнота св. даров, таким образом, заключена в число семь. Православная Церковь находит в Св. Писании основание для утверждения семи таинств, а евангелист Иоанн Богослов в 5 главе 39 стихе говорит: «Исследуйте Писание». И Православная Церковь, исследуя Писание, пришла к твердому исповеданию семи таинств. Наконец, Православная Церковь не мыслит богослужения без прославления Той Девы, Которая родила Эммануила, — Девы Марии, Которая честнейшая херувим и славнейшая серафим.

Проф. Г. Харбсмайер

Я думаю, что мы можем договориться о единстве в понимании следующих тезисов:

1. Богослужение во всем объеме проникнуто Духом Святым, т. е. оно духовно. Это относится ко всем формам, которые с обеих сторон в настоящее время употребительны.

2. Христос присутствует за богослужением в слове, в том смысле, как оно понимается в Евангелии от Иоанна — Логос, т. е. присутствует в преподавании слова христианской общине, слова об искуплении и того же Слова в таинстве Причащения. Поэтому нам надо видеть, как милостив к нам наш Господь.

3. Богослужение есть осуществление господства Христа во всем мире через всемирное общество христиан, согласно Евангелию от Матфея (28, 18): «Дана Мне всякая власть на небе и на земле». И это господство совершается через порядок, Самим Господом установленный.

4. Богослужение есть направленность и общины, и всего порядка к Господу, Который грядет.

Проф. Н. Д. Успенский

Положительные результаты дискуссии налицо. Конечно, не все остается раскрытым. Выступления некоторых коллег наводят на новые мысли, над которыми нужно будет работать. Мне понравилась, например, серьезная богословская проблема, которая была поставлена В. Д. Сарычевым и затем сформулирована проф. Харбсмайером, а именно — определение границ человеческой свободы в богослужении. Теперь о проблеме понимания благодати, постоянно действующей в Церкви. Действует ли она только в таинстве Причащения или во всем богослужении? Наши коллеги в душе понимают этот вопрос, видимо, как и мы. Я не думаю, чтобы они «делили» то же самое богослужение на благодатное и неблагоприятное.

Эти два вопроса, мне кажется, должны быть предметом специального изучения.

2-й день

5-е заседание (утреннее)

Председательствует д-р А. Вишман.

Доклад епископа Волоколамского Питирима «Основные проблемы современного богословского исследования в их развитии с конца XIX века».

6-е заседание. Председатель — епископ Алексий.

Доклад проф. д-ра Е. Вольфа «К современному положению евангелического богословия в Германии».

7-е заседание (вечернее). Председательствует д-р А. Вишман.

Дискуссия по докладам.

Д-р А. Вишман

Нам надо мысленно обратиться к богатым по мыслям двум докладам. Думаю, нужно поставить ряд вопросов для разъяснения.

Доц. В. И. Талызин

Разрешите мне высказать впечатление, какое произвели на меня доклады.

С удовлетворением можно отметить, что доклад проф. Вольфа на тему: «Современное положение евангелического богословия в Германии» может произвести приятное впечатление и на сознание православного верующего человека. В нем последовательно раскрывается история развития евангелического богословия в Германии. Уже во введении автор доклада приводит заявление председателя Совета Евангелической Церкви Германии д-ра Шарфа о том, что богословие не имеет права забывать, что Правда Самого Бога есть одновременно и Личность нас ради Распятого, Воскресшего, царствующего на небе и на земле и вскоре Грядущего Господа.

В первой части доклада проф. Вольф совершенно беспристрастно дает оценку евангелическому богословию. Он показывает, что у отдельных немецких богословов религия получает определение или как чувства зависимости от Абсолютного, или, в идеалистическом смысле, как развития абсолютной идеи (Гегель и др.), или как бы бездогматического христианства, подчинившего догматы историческим или нравственным факторам. В истории развития евангелической богословской мысли проф. Вольф отмечает изменение характера направления ее от субъективно-проблематического к церковности, что, без сомнения, придает евангелическому богословию большую объективность, конкретность и жизненность. Здоровым явлением в евангелическом богословии можно считать развитие отдельных дисциплин в направлении к цер-

ковности. В докладе упоминаются: Ветхий Завет, Новый Завет, Гомилетика, Догматика, Литургика, Богословская этика, Практическое богословие и др. Мне, как канонисту, приятно отметить, что вместо прежних антиномистических теорий в евангелическом богословии создается наука Церковного права. Можно было бы еще остановиться на ряде положительных моментов, но ввиду ограниченности времени я перейду к обзору моментов, не совсем приемлемых для нас.

Нельзя еще характеризовать и позднейшее евангелическое богословие, как свободное от субъективно-проблематического направления. К сожалению, приходится констатировать, что проблематизм, наблюдающийся вплоть до последнего времени, распространился на слово Божие, что не может не огорчать православных верующих людей. По православному учению, слово Божие, или Откровение Его, данное людям через Иисуса Христа и Его апостолов, сообщается людям двумя способами: первоначально устно, а позднее также устно и отчасти письменно. Здесь можно сослаться на последний стих Евангелия Иоанна Богослова, в котором говорится, что многое еще сотворил Иисус, но если бы о том писать подробно, самому миру не вместить пишемых книг, а также и на второе Послание ап. Павла к солунянам, где говорится: «Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим». Таким образом, Откровение Божие сообщается через Священное Писание и Священное Предание. Спаситель принес на землю всю истину сполна, и эту истину апостолы возвестили миру. Хранительницей этой истины была и осталась Древняя Церковь Христова. Она сохраняет истины веры и дает им надлежащие словесные формулировки. Так, на I и II Вселенских Соборах состоялось принятие Никео-Цареградского Символа веры. А задача поместных Церквей должна была состоять в неизменном соблюдении этих формулировок, в разъяснении христианского учения среди верующих.

Возвещенная Иисусом Христом и содержащаяся в Св. Писании истина для Древней, а значит, и для Православной, Церкви никогда не была и не может быть проблемой. По нашему разумению, проблемой может быть только вопрос: как, какими средствами истины веры могут быть усвоены и приняты сердцем и разумом человека? А выполнением этой задачи должно заниматься богословие. Иначе, задача богословия должна сводиться к раскрытию и защите истин христианской веры. Принятые теми или иными Церквами на основании слова Божия символические книги не являются для этих Церквей проблемами. Но почему тогда источник всех символов — слово Божие может быть проблемой для верующих в Иисуса Христа? Не явно ли, что это алогизм?

В заключение хочется выразить надежду, что на пути к взаимному сближению Евангелической Церкви с Русской Православной Церковью евангелическая богословская мысль освободится от исторически созданных отклонений от учения древнехристианской Церкви. Это, без сомнения, послужит еще большему взаимопониманию между богословами Евангелической Церкви и Православной.

А. Ф. Шишкин выступает с критикой лютеранского богословия, несовершенство которого дало возможность развитию антихристианских философских теорий и человеконенавистнической практики времени гитлеризма.

Доц. В. Д. Сарычев

В докладе проф. Вольфа указано два направления богословия. Одно из них, первое по времени, это такое, когда в центре богословия является не Библия, а религиозный человек, признавший Иисуса Христа примером для подражания. Другое направление, более сложное, когда уже сама Библия становится исходным пунктом для богословств-

вования. Первое направление, как мы поняли из доклада, в евангелическом богословии устранено церковным решением. Таким образом, как будто бы остается в силе лишь второе направление, чисто библейское. Но у нас возникает вопрос: не возникало ли в евангелическом богословии такого течения, которое соединяло бы первые два, т. е. чтобы происходил синтез библейского свидетельства с религиозным опытом человека? Этот вопрос для нас представляет интерес потому, что именно так мы расцениваем богословствование святых отцов, потому мы и относимся к ним с таким великим уважением и считаем их богословствование непреходящим, вечным, в противоположность другим направлениям в богословии, которые всегда имеют только временное, более или менее длительное значение. Я был бы очень благодарен проф. Вольфу за ответ на вопрос о возможности такого синтеза в настоящем состоянии евангелического богословия или в дальнейшем.

Д-р Р. Сленска

Я хотел бы кратко остановиться на двух моментах, в которых вижу совершенно элементарную общность обоих докладов.

Как в докладе епископа Питирима, так и в докладе д-ра Вольфа была указана совершенно новая позиция богословия по отношению к прошлому. В русском богословии наблюдалась борьба с так называемыми схоластическими методами и так называемым западным влиянием на восточных богословов.

В евангелическом богословии создался фронт так называемого либерального богословия, которое было антропоцентрично. Было бы интересно указать, что эти фронты борьбы существуют не только в русском богословии, но и в других богословиях, в том числе — в немецком. Здесь и там мы видим много косвенных общих моментов. Этот вопрос еще не изучен, но к нему можно указать достаточно примеров. Их можно найти в догматике митрополита Макария, гробницу которого мы сегодня посещали. Догматика Макария находилась под очень сильным влиянием августинцев. Также и наш Шлейермахер не только на русскую философию, но и на русское богословие оказал очень большое влияние. Это видно, например, в большой догматике Сильвестра Малеванского. Примеры можно было бы приводить без конца. Однако я хочу сказать, что в наших богословиях общим является не то, что мы занимаем одну и ту же позицию, например, в отношении Шлейермахера, но то, что мы занимаем фронт против критической идеалистической философии. Я не хочу дальше богословско-исторически развивать подробности. Я хочу только спросить: что означает для нас этот общий фронт, который мы занимаем в нашей работе? Как нужно понимать сказанное нашим русским оппонентом, что русское богословие с середины прошлого века вновь ищет путь к отцам Церкви? И что означает то, что евангелическое богословие вновь нашло путь, который ведет к Церкви?

Можно ли сказать, что богословы, на которых мы держим равнение, являются в своем роде отпавшими от Церкви? Можно ли сказать, что та историзация богословия, которая имела место в России и особенно наблюдается теперь, является своего рода отходом, отключением от отцов Церкви? Можно ли сказать также, что антропоцентрическое богословие, которое было направлено на переживание веры человеком, является отпадением от Церкви и от выполнения богословием своих прямых обязанностей? Я думаю, что окончательно мы не можем сказать это ни о той, ни о другой стороне. В доказательство последней мысли я хочу привести один близко лежащий пример. Мне было интересно посетить могилу митрополита Макария Булгакова. Я предполагаю, что то почетное место, где митрополит Макарий теперь лежит, он получил не только потому, что являлся митрополитом Московским, но

и потому, что являлся богословом. И свидетельство тому — три его основных труда, изображенные на камне его гробницы. Но этот как раз богослов является в русском богословии представителем схоластицизма. То же самое можно сказать о Шлейермахере, на которого в 20-х годах было сделано столько нападок. Нельзя сказать, что он является современным учителем Церкви. Но без его богословского вклада, будь он положительным или отрицательным, как бы мы его ни рассматривали, наша современная богословская работа вообще невозможна. Я об этом думаю и подхожу этим самым к заключению, что мы сейчас все вместе стоим перед тем фактом, что наша богословская работа является лишь фрагментом. Она является только частичным отражением как бы в зеркале того, что имеет Церковь. Откровение не исчезает в нашем богословии, однако наша богословская работа, которую мы с научной точки зрения проводим, является только частью служения.

Н. П. Иванов

Мы сегодня слушали интересный доклад проф. Вольфа. Сначала о форме речи. Дело в том, что мы, когда прослушали доклад, то между собой говорили: какая у него прекрасная музыкальная форма!

Но нужно говорить по существу. Дорого то, что доклад кончается заключением, свидетельствующим, что протестантское богословие приходит к оцерковлению. Дорого и то, что в центре протестантского богословия становится христология. Можно надеяться, что христология неизбежно приведет к истинному пониманию всей христианской веры.

Теперь по части критики немецкого богословия XIX века. Тут говорилось, что оно было антропологично. Но мы не должны забывать, что христианство есть религия Божечеловеческая, и человеческий элемент ни в коем случае не может быть исключен из богословия. Если мы вспомним историю Вселенских Соборов, то в основном все дебаты, споры о ложных направлениях имели в виду неверное понимание Божества и человечества. Человечество отрывалось от Божества, как было у Нестория, или же поглощалось в Божестве, как было у монофизитов. Тогда к истине шли как по лезвию ножа. По правую и по левую сторону была уже ошибка. Так и теперь немецкому богословию трудно держаться такого направления, чтобы не уклоняться вправо или влево в вопросе в соотношении Божеского и человеческого.

В докладе говорится, что в немецком богословии было такое направление, когда Евангелие толковалось исходя из религиозно-нравственных потребностей человека. Но Евангелие так и должно толковаться. А вот то, что человек является мерилom, это уже неверно. Евангелие дает ответ на все потребности человека.

В докладе говорится о значении религиозного опыта. Христианская религия немыслима без религиозного опыта. Религиозный опыт подтверждает истинность учения Христа. Он свидетельствует о жизненности учения Христа, о его оправданности опытом. Далее говорится, что религиозность должна пониматься в исторической перспективе. Это тоже вполне закономерно. Но рассматривать догматы как зависящие от исторической перспективы уже неверно.

В докладе говорится, что экзегетика попала в плен историко-критического метода. Это плохо. А то, что экзегетика неразрывно должна быть связана с историко-критическим методом, пройти через горнило этого метода и победно из него выйти — это верно.

Немецкое богословие поставило под вопрос каноническое достоинство Библии, что очень смело и рискованно. Но хорошо то, что хорошо кончается. Критическая мысль пришла к истинности канона. XIX век дал тезис, теперь возник антитезис, мы надеемся, что будет и синтез. То была философия молота. Евангелие выдержало удары этого молота. И мы должны поблагодарить немецкую мысль за это.

Я хотел бы повторить сказанное моим коллегой о единстве Божеского и человеческого. Евангелие — это основа всех основ нашего богословия и богословия отцов неразделенной Церкви. И мы невольно вспоминаем определение Четвертого Халкидонского Собора, когда после чрезвычайной трудных споров был выкован определенный символ. Он читается вкратце так: «Последуя святым отцам,—я это подчеркиваю, потому что и мы последуем святым отцам,—мы научаемся исповедовать Христа, познаваемого в двух естествах — Божеском и человеческом, неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно».

8-е заседание. Председатель — епископ Алексей.

После того как были прочитаны тезисы на русском и немецком языках, с предложением по тезисам выступили В. Д. Сарычев, епископ Питирим, Н. Д. Успенский.

Доц. В. Д. Сарычев

Совершенно правильно, что действие Святого Духа совершается в словах и обрядах при богослужении обеих Церквей. Но мы не можем считать равным действие Святого Духа в той и иной Церкви, если они разделены. Вот это обстоятельство нужно было бы в этом месте как-то отметить, потому что, если принять тезис так, как он есть, то окажется, что наши Церкви полностью соединены.

Епископ Питирим

Я очень благодарен составителям тезисов за такие удачные формы выражения наших общих мнений. Но мне хотелось бы сделать два небольших предложения по первому и третьему пунктам. Второе предложение 1-го пункта я предложил бы сформулировать: «Это относится в своей мере к слову и делу во всех формах». Думаю, что такая формулировка может быть приемлемой для обеих сторон, поскольку для православной стороны слово и таинство имеют некоторые различия в смысле подаяния благодати. Например, я очень высоко почитаю сан епископа, но я никогда не сравню свою проповедь с таинством Крещения, которое я могу совершить. Поэтому добавление «в своей мере» дает известное уяснение этого пункта.

По третьему пункту я просил бы внести такое дополнение: «Богослужение, в особенности Евхаристия, совершается за весь мир, оно освящает человека и утверждает нашу веру во второе пришествие Иисуса Христа». Высокое почитание Евхаристии в наших обеих Церквях известно. Но я, принимая Тело и Кровь Христову, принимаю вместе с тем и благодать освящения, а не только утверждаю свою веру во второе пришествие. Можно верить и трепетать, а можно ко второму пришествию готовиться освящением.

Доц. В. Д. Сарычев

Дополнение епископа Питирима относится к понятию меры в отношении к слову и действию. Это несомненно так, что слово и действие имеют каждое свое значение. Но мое возражение касалось не этого, оно относилось к тому, что вообще богослужения той или иной Церкви в части облагодатствования Святого Духа как бы различны «В своей мере» должно быть отнесено не к слову и делу, а к понятию Церквей.

Проф. Н. Д. Успенский

Православные считают себя Церковью Православной, а что скажут о себе лютеране, считают ли они себя Церковью или не считают?

На заданный вопрос последовал ответ: «Конечно, считают себя Церковью».

Председательствующий епископ Алексей предложил перенести рассмотрение тезисов на вечернее заседание.

Продолжение дискуссии по докладам второго дня.

Проф. А. И. Георгиевский

Большой интерес к православному богослужению со стороны Евангелическо-Лютеранской Церкви, проявленный здесь нашими гостями, побуждает меня сообщить о русской литургической литературе.

Православное богослужение, выражающее полноту литургической жизни, издавна привлекает к себе ученых, историков, литургистов. Научное изучение православного богослужения в России к началу XX века достигает расцвета. Целая плеяда литургистов разрабатывает литургические вопросы. Здесь я отмечу небольшое число литургических работ, составленных главным образом профессорами наших духовных академий. Выдающийся историк и литургист проф. И. Д. Мансветов с изумительным мастерством раскрывает древнейшую основу и общий строй церковных песнопений. В своем замечательном труде о последовании песнопений он один из первых показывает образование и судьбу церковного устава в Греческой и Русской Церквах. Как в означенном труде, так и в других сочинениях Мансветов прочно обосновывает необходимость в литургических исследованиях восходить к первоначальному апостольскому служению для того, чтобы наиболее полно раскрыть и уяснить литургическую жизнь Православной Церкви от ее истоков и до настоящего времени. Неутомимым и самым плодотворным тружеником литургической науки является проф. А. А. Дмитриевский. Его сочинение о православном богослужении составляет большой вклад в научную разработку вопросов литургии как со стороны привлечения нового материала, так и по полноте научной разработки.

В заключение я хочу отметить важный труд проф. Ленинградской духовной академии д-ра Н. Д. Успенского «Всенощное бдение в историческом освещении», имеющий большое историческое значение и научную ценность.

Проф. И. Н. Шабатин

Я преподаю Историю Русской и других Православных Церквей. Имею частные, недискуссионные замечания по докладу Преосвященного епископа Питирима.

Как совершенно правильно, хотя кратко, указал докладчик, наряду с многочисленными богословскими проблемами был поставлен и ряд частных проблем по отдельным вопросам церковной истории. Так, например, на грани двух столетий русская историография уделяла большое внимание истории Вселенских Соборов, православной агиологии, иконографии и археологии. Церковная археология и иконоведение серьезно обогатились недавно завершенным курсом Церковной археологии проф.-прот. А. Остапова, каковой труд, по мнению высококвалифицированных рецензентов А. И. Георгиевского и М. А. Старокадомского, является крупным вкладом.

О проф. Голубинском говорилось как об авторе работ по агиологии. Тут опущено, что его основной труд посвящен истории Русской Церкви. Он не выдержал испытания времени, и уже в 1933 г. с полным основанием проф. Флоровский сказал, что в наши дни основные утверждения Голубинского звучат даже не остро, а просто курьезно и что вряд ли кто их решится повторить. Я на это обращаю внимание потому, что в 1958 г. в Париже появился труд проф. Карташова, который делает попытку как-то оживить схему Голубинского. А ведь западноевропейские христиане, у которых повышается интерес к истории Русской Церкви, знакомятся с нею по этому труду. Одной из частных проблем должно быть составление действительно объективной, научной истории веры христианской в России. В этом отношении много сделано, есть ряд статей в «Ж.М.П.» по отдельным проблемам. Но пока еще нет обобщаю-

щих работ, которые, конечно, должны ответить на ряд проблемных вопросов.

Наконец, у меня частное предложение, которое внесу, если не будет возражений со стороны докладчика. Хотелось бы объединенными силами историков наших Церквей провести совместное исследование истории взаимоотношений между Русской Православной и Евангелическо-Лютеранской Церквами с XVI века до наших дней. Считаю, что это будет очень полезно.

Архимандрит Филарет

Разрешите мне взять на себя смелость от лица молодых русских богословов сказать свое слово. Действительно, я являюсь здесь самым молодым богословом.

С большим вниманием и назиданием для себя я выслушал оба доклада и дискуссию. Многое было понято, осознано, но, нужно сказать, кое-что было и недоходчиво.

Но справедливо сказать, что прежде всего мы здесь почувствовали дух экумены и увидели действительное ее присутствие. Как было упомянуто в докладе Преосвященного епископа Питирима, наше русское молодое богословие как раз и обращает большое внимание на это, потому что через дух экумены мы скорее можем найти общий язык с нашими братьями-богословами. Наше богословие должно быть практически направлено. Мы должны иметь возможность встречаться для того, чтобы направить свои богословские усилия, богословскую мысль к сохранению общемировой мирной обстановки. Сотрудничество в экуменическом движении создает нам базис для дальнейшей мирной и плодотворной богословской работы. Мы не договоримся здесь о всех подробностях нашего вероучения, но мы можем сказать свое весьма веское слово по отдельным моментам.

Доц. Н. А. Заболотский

Я хочу подтвердить сказанное о Филаретом. В выслушанных нами обоих докладах подчеркивается мысль о необходимости практического приложения нашего христианского сознания в жизни. И ссылка о Филарета на молодежь, конечно, вполне законна. Ибо мы как раз и хотим практически трудиться. Поэтому для нас важна тема богословия мира.

Именно практическое приложение богословских истин свойственно членам нашей Церкви. Близкий этому пример. Сегодня мы были в Лаврском соборе и видели икону Софии — Премудрости Божией. Епископ Питирим сказал, что вопрос о Софии — это отвлеченный богословский вопрос. А между тем, в нашей Православной Церкви этот отвлеченный теоретический вопрос воплотился в иконах, в наших храмах, которые посвящены Софии — Премудрости Божией. Мы вкладываем разное содержание в понятие «Софии». Но оно в нас живет и практически прилагается. Вот так и идея мира и любви Евангельской. Она требует практического приложения и богословского осмысления.

К. М. Комаров

Мы сейчас говорили о практическом богословии и, в частности, о богословии мира. Мне кажется, что в сегодняшнем докладе проф. Вольфа есть своего рода иллюстрация к этому. В докладе внимание было сконцентрировано на осязательном действии Промысла Божия, каковое главным образом раскрыто в Ветхом Завете. Там во всех пророческих книгах красной нитью проходила идея мира (я имею в виду ветхозаветного евангелиста, пророка Исаию, 2-ю главу его книги, где говорится, что люди в конце концов достигнут мира). Поэтому, когда ангелы воспели в момент рождения Христа «Слава в вышних Богу и на земли мир», это не было новым откровением. Это было напоминанием

осуществлением той идеи, которая была мечтой Ветхого Завета и которой посвящено все наше христианское богословие. И вот я еще раз хочу сказать о великой радости по поводу того, что Промысл Божий ведет нас к взаимопониманию. Здесь, следовательно, лежит и путь к сближению наших народов, потому что Господь сказал о Себе устами пророка Исани, что Он Начальник мира.

Выступления докладчиков

Епископ Питирим

Я хочу ответить на вопросы, возникшие в процессе дискуссии, и по существу доклада д-ра Вольфа. Сначала отвечу на вопросы, поднятые д-ром Сленской, а именно — о ценности трудов митрополита Макария Булгакова и Шлейермахера. Ни я, ни мои коллеги не отрицают их значения. Содержание моего доклада направлено на изложение школьного богословия и той общественной мысли, которая будила богословское сознание на грани двух столетий. Но это новое движение не является какой-то революцией в богословском сознании. Православное русское богословие имеет старую традицию с крещения Руси. Мы имеем много духовных писателей и иерархов, которые сохранили традицию отеческого богословия. Сочинения преп. Феодосия Печерского, наставления наших старцев, настоятелей монастырей, «Устав» и «Просветитель» преп. Иосифа Волоцкого, труды св. Митрофана, еп. Воронежского, св. Тихона Задонского, преподобного созерцателя Нила Сорского и бесчисленного множества других хранят эту традицию. Я говорил о школьном богословии, которое в XVIII—XIX столетиях испытало на себе влияние даже не самых главных авторитетов Запада. Это была мода французского воспитания. И Вольтер частенько смешивался с богословскими авторитетами. Поэтому в школьном богословии мы отмечаем очищение богословского сознания. Я, как и мои коллеги, благоговейно почитаем память митр. Макария, учимся по его учебникам и с уважением изучаем Шлейермахера. Этот период в богословии вычеркнуть нельзя.

У меня есть несколько вопросов, в частности по стр. 10 и 15. Вообще же я счел бы для себя честью вместе с подписью д-ра Вольфа поставить и свое согласие под главной частью этого доклада, который возбуждает во мне большое удовлетворение.

Я — православный богослов, монах, традиционалист по своим глубоким убеждениям и симпатиям, но я христианин-богослов и изучаю вопросы так называемого «инославия». И это сделало меня убежденным экуменистом, но не безразличным интерконфессионалистом, а таким экуменистом, какими были, думаю, отцы Церкви, ждавшие и искавшие единства христиан. Нам нужен эносис — единство, единство с Богом, единство между людьми. Мы должны ответственно и сознательно относиться к своим действиям. Ап. Павел говорит: «Мы ищем не вашего, а вас». Не может быть и речи об обладании, о желании настоять на своей точке зрения. Нам нужно иметь одно христианское сердце, которое Бог приведет к правильной вере, которую мы знаем, и к действию, которое совершает через нас Святой Дух. Он дает силу на добрые дела, которые Бог назначил нам исполнять. И вот поэтому осуждение современного немецкого богословия, о котором говорил д-р Вольф, вызывает и волнение и чувство того единства, которого нам не хватало. Можно долго изучать историю споров средневековья, — они не назидают и способны размагнитить нашу волю к действию. Но один этот доклад дает нам платформу к тому, чтобы вместе прочитать молитву «Отче наш», чтобы встретиться на экуменических собраниях, чтобы долго и глубоко искать общих форм нашего христианского поведения.

Сколько времени это будет продолжаться, знает один Бог. Но велик

грех против Церкви — наше разделение, разделение не только конфессиональное, но разделение в том, что мы не считали себя братьями. «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою», — говорит Господь. И в этом служении любви — наш современный долг. Каждый раз, как я готовлюсь к совершенно литургии, я читаю молитву Амвросия Медиоланского — этого западного учителя Церкви, учителя единой Церкви. Он учит меня, восточного монаха, молитве за весь мир. И я его словами прошу Бога: «служение примирения да не отвергнеш!» Можно много говорить о мире, о служении миру, но еще важнее почувствовать, что дело Церкви — это служение миру, тому самому миру, который окружает нас, который нас кормит, нас одевает, который дает нам все необходимое для жизни. Христиане — это соль земли, это свет миру, и чем скорее христиане покажут свою взаимную любовь, тем ближе к нам будет Бог, тем крепче и чище будет наша вера. Это мои слова, мои убеждения, но они навеяны докладом д-ра Вольфа.

Я благодарю своего коллегу и хотел бы, чтобы эта дискуссия в моей личной жизни и в жизни наших богословских школ и направлений была большим звеном, которым бы соединились бесчисленные звенья одной общей золотой цепи христианской любви. Это слова великого аскета, преподобного Симеона, Нового Богослова.

Д-р Э. Вольф

Любовь и мир есть неустранимая фаза в вере наших обеих Церквей. Именно утверждением этого глубокоуважаемый епископ Питирим очень меня тронул.

Когда я сказал, что субъективная сторона спасения заключается в том, что нужно на себе нести крест, это означает, что тем самым мы принимаем участие в Теле Христовом. Этим я напоминаю о богословии реформации, которое является богословием Креста. Но с участием в Теле Господа связываются и другие мысли, которые в более раннее время были высказаны довольно ясно, именно, что Спаситель вступил в мир как воскресший и как начальник мира. И если Он в этом господстве освобождает мир и примиряет его с Богом, то тем самым содействует и нас достойными принять участие в этом служении. Вот основные положения богословского порядка, которые стоят перед нами во всей полноте этических и социологических побуждений. Ими я хотел указать, что это значит — жить для славословия Господа перед лицом всего мира.

Теперь я покажу те моменты из дискуссии, которые я хотел бы кратко разобрать. Одним из них является напоминание о том, что реформация с самого начала имела замечательную экуменическую тенденцию. К сожалению, тенденция жила недолго. Протестантская Церковь не считала себя собственно Церковью, она не определяла себя как католическую Церковь. Экуменическая тенденция выражалась в том, что она хотела начать разговор с Православной Церковью, что она ради этого свое учение перевела на греческий язык, а также и в том, что в своих вероисповедных текстах, там, где вопрос касался христологии, она собрала в обширном масштабе цитаты из творений отцов Церкви, например, Кирилла и др., настолько, конечно, насколько западные христиане могли читать эти творения. Реформация хотела выразить свои богословские мысли в непосредственной общности с древней Церковью. Но со временем все это изменилось.

Второе касается богословских вопросов, которые задали господа Сарычев и Иванов, т. е. вопросов антропологии и религиозного опыта. Г-н Иванов совершенно прав, что Евангелие направлено к потребности человека. Но что является главной потребностью человека? Она заключается в том, чтобы осознать свое место в мире. Человек сам себя не

знает, и только в Распятом Спасителе человеку показано, кем он является сам по себе. Ему сказано, что с самого начала он является сыном Божиим, которого Господь так возлюбил, что Единственного Сына принес в Жертву, отдал в руки смерти. Если это осознано, если вновь возрожденный человек ощущает себя сыном Божиим, тогда перед ним открывается область особо принципиального религиозного опыта.

Лютер тоже имел своего рода богословие опыта. Также и другие богословы у нас, в том смысле, что Господь отпустил мне мои грехи и принял снова меня для моего служения. Это означает, что Божественная благодать занимает первоначальное место также в области моего религиозного опыта.

В том, что человек не является мерилом, а таким мерилом является образ Христа, мы будем с вами согласны.

Теперь о том, что говорил г-н Сарычев. Одно — то, что у нас называется Словом, а другое — некоторые стремления, которые можно наблюдать у Шлейермахера, говорить о религиозном чувстве, а Спасителя рассматривать как религиозный идеал. Конечно, преувеличенно человеческие моменты, которые мы наблюдаем у Шлейермахера, должны быть смягчены. Что действительно для новой жизни? Религиозный ли опыт человека без Христа или образ Христа как религиозного Гения? Окончательно то, что Иисус Христос является Спасителем.

Я еще раз хотел бы вспомнить слова епископа Питирима и сказать, что в данном случае мы мыслим на одной и той же длине волны.

Епископ Алексей, поблагодарив докладчиков и всех выступавших в дискуссии, сказал: «Я надеюсь, что эта дискуссия поможет нам в нашей совместной экуменической работе в будущем, поможет нам в практическом служении примирения человечества».

Затем епископ Алексей сообщил, что Святейший Патриарх Алексей, который интересуется богословской встречей, передал пожелание всем участникам ее помощи Божией в работе и благословение.

3-й день

9-е заседание (утреннее). Председательствует епископ Алексей.

Доклад проф. д-ра Г. Кречмара «Богословско-экклесиологическое значение Вселенских и Поместных Соборов в вопросе Церкви и Преемства».

10-е заседание. Председатель — д-р А. Вишман.

Доклад Н. А. Заболотского «Богословское и экклесиологическое значение Вселенских и Поместных Соборов Древней Церкви».

11-е заседание (вечернее). Председатель — епископ Алексей.

Дискуссия по докладам.

А. Ф. Шишкин в своем выступлении отмечает достоинства обоих докладов и обращает внимание на то место доклада Г. Кречмара, где говорится об «изменении образа веры».

Д-р Э. Вольф

Сегодня утром мы слышали два великолепных доклада. На меня произвели большое впечатление те моменты, где я увидел сходство этих двух докладов. Это касалось той части доклада Заболотского, где шла речь о соборности, и доклада д-ра Кречмара со ссылками на Духа Святого как критерий подлинности Собора.

В докладе Заболотского соборность обосновывалась на одном моменте, который для нас имел очень большое значение во время нашего Кирхенкампа. Был приведен текст Евангелия от Матфея, гл. 18, ст. 20: «Где двое или трое собраны во Имя Мое, там Я посреди их». Во время борьбы нашей Церкви мы очень часто утешали друг друга этими словами. И то, что в те времена в отдельных общинах, в церковной жизни называлось соборной жизнью, должно было каждый раз

опираться на эти слова. В то время, как раз благодаря этому понятию, в немецкой Церкви открылась широкая область для экуменизма. Я хотел бы это объяснить тем, что мы непосредственно с жизнью Церкви начали ощущать, что надо разуть под этим словом «соборность», которое не переводится на немецкий язык, но существует как понятие. Для меня было очень важно, что в этом докладе соборность определена как совершенно естественное, законное выражение сущности Церкви, наблюдающееся как в большом, так и в малом облике, от большого Вселенского Собора до самой маленькой христианской общины. Важно и то, что докладчик видит во всех остальных проявлениях жизни Церкви — в общинах и т. д. — как бы остатки, если можно употребить это выражение, соборности. Если мы говорим об экуменическом единстве Церквей, что это единство имеет свою настоящую жизнь в том единстве, которое Господь дарует как Свое Собственное Единство, то теперь понятие «соборность» означает для нас, что сохраненная Духом единая сущность Церкви имеет место, несмотря на целый ряд человеческих погрешностей в расколе и в разделении. И «соборность» принадлежит к тем Божественным обетованиям, которые никогда не исчезнут, не пройдут, как и все откровения и дарования Божии.

Теперь встает вопрос об историческом аспекте Соборов древней Церкви. Вновь протестантский лагерь превращается в школу, в которой мы должны глубоко задуматься о внешней реализации единства христиан. Мне кажется, играет не такую уж важную роль то, что различные Соборы будут формально приняты в области церковного права. Хотя, конечно, это тоже проблема, которая остается открытой для обсуждения в будущем. Важно здесь осознание того, что Дух действует через каждое законно представленное большое или малое собрание. Сознание веры в единство Церкви в каждом собрании христиан, собранном во имя своего Господа, вновь пробуждается так, что для нас становится невозможным не задумываться о единении Церкви.

Епископ Питирим

Мое замечание опередил уважаемый коллега проф. Шишкин. В докладе д-ра Кречмара я тоже обратил внимание на ту фразу, где говорится, что Церковь в продолжение времени меняет свои формы. Здесь отмечаю две стороны: одна, что этот тезис безусловно обязывает нас вести дискуссию — историческую, конфессиональную, дружественную, которая призвана найти истину и выразить ее в достойной форме. Но вместе с тем этот же тезис дает нам новое понимание Богочеловеческой сущности Церкви, что составляет вторую сторону. Православному богословию, как и древнему отеческому богословию, естественна концепция Церкви как Тела Христова. Подобно тому, как тело Иисуса Христа претерпевало естественное состояние в период Его земной жизни, так и Церковь страдает и радуется, растет и испытывает уничтожение. И вот в предстоящей дискуссии нам кажется необходимым идти путем выяснения человеческой сущности Церкви и ее Божественной сущности для того, чтобы не смешивать эти понятия. Это приблизит наше взаимное понимание и позволит нам найти те термины, которые выражают истину достойным образом.

Мне думается, не нужно вовсе говорить, что какой-то пункт для нас совсем неприемлем, что кто-то из нас безусловно прав и кто-то безусловно не прав. Важность нашей настоящей встречи в том, что в новой ситуации, в новых качествах богословия мы имеем возможность понимать друг друга.

Н. П. Иванов

Я хотел бы также коснуться той мысли в докладе, которая имеет в виду, что Церковь может претерпевать принципиальные изменения.

Как мне показалось, докладчик говорил о возможности изменений лишь в какой-то части Церкви, т. е. в том, что у нас называется Поместной Церковью, не распространяя этого на всю Церковь в целом. Нам трудно было бы согласиться с мыслью, что вся Вселенская Церковь в какой-то период своей жизни изменяла себе, т. е. изменяла Христу. Но что отдельная Поместная Церковь могла уклониться от истины и даже отпасть от вселенского единства, а потом выразить стремление вернуться в Церковь,— это общеизвестный факт. Если я именно так понимаю докладчика, то, конечно, никаких возражений быть не может.

Доц. В. И. Талызин

Мне трудно уяснить некоторые места в докладе д-ра Кречмара. Я буду просить его разрешить мои сомнения, касающиеся следующего положения. На стр. 5 русского перевода г-н Кречмар, ссылаясь на Марсилию Падуанского, говорит, что Церковь верит в то и только в то, что написано в Св. Писании. Трудность возникает лишь тогда, когда возникает спор о верности толкования Св. Писания. В таком случае, говорит он, возникает необходимость провести границу между истинным смыслом Св. Писания и его неверным, лжеучительным толкованием; для этой цели и созывались четыре первых Вселенских Собора. На стр. 11 он также утверждает, что в данном случае мы можем сказать, что смысл Св. Писания приобретает ясность в соборном решении. Это означает, что в этом соборном решении Св. Писание как бы защищается от тех, кто пытается его исказить, а на стр. 6 мы читаем: «Показательно, что Лютер в своем сочинении о Соборах и Церквах видит повод созывов Соборов Древней Церкви не в спорах о правильном толковании Св. Писания, а в возникновении новых мнений в сфере школьного богословия; в соответствии с этим задача Вселенских Соборов не состояла в создании новых вероучительных положений». Следовательно, с одной стороны, Собор выносит определенное решение в связи с появлением лжеучений, как авторитетный орган, а с другой стороны, его задача не состоит в создании новых вероучительных положений. Спрашивается, какими средствами Собор мог бы решать эти возникавшие на почве лжеучений споры?

Неприемлемым для православного сознания представляется и следующее положение: «В этом смысле задача Собора отличается от задачи любого священника или наставника отдельной общины лишь своим объемом. И то, что совершается в общине, имеет даже большее значение, ибо община созидает, а Собор отражает опасность». Естественно возникают вопросы: что может создать община и отдельный священник и почему компетенция Вселенского Собора отражает только опасность? Ведь существует принципиальная разница между приходом, священником и собором, хотя бы и не Вселенским. По нашему разумению, священник не имеет таких полномочий, как епископ. Епископ в пределах своего округа имеет всю полноту власти в Церкви, священник этой полноты не имеет. Тем более это нужно сказать о Вселенском Соборе, который имеет всю полноту власти Вселенской Церкви. Собор является органом выражения власти Вселенского епископата. Вселенский епископат в силу преемства апостольского имеет всю полноту власти во всей Вселенской Церкви и этим дает возможность священнику или общине возвращать новые молодые побеги и благоуханные кусты. Почему же компетенция Вселенского Собора ограничивается только отражением опасности? Может быть, г-н Кречмар не откажет в любезности рассеять мои сомнения.

12-е заседание. Председатель - - д-р А. Вишман.

Продолжение дискуссии.

Проф. Г. Кречмар

Уважаемые господа епископы, я считаю, что будет очень полезно, если я попытаюсь ответить на поставленные вопросы.

Может быть, было бы правильно начать с того момента, которого коснулся г-н Талызин. В ваших вопросах я как раз увидел ту разницу в образе мыслей, которая возникает между вами и нами. Вы всегда исходите из нормального положения вещей, а мы исходим из случая конфликта.

В Вашем вопросе нет никакой проблемы. Совершенно естественно, что епископ обладает большим достоинством и большей ответственностью, нежели простой священник. Но бывают случаи, когда нужно иметь больший авторитет, нежели тот, который имеет священник и даже отдельный епископ. Мы возьмем исторический пример.

После иконоборческого собора 787 г. патриархи и почти все епископы официально выступили за признание этого собора. Но было несколько отдельных монахов, которые по-прежнему хранили иконы в своих общинах и продолжали учить людей тому, что Церковь должна иметь их. И за это их преследовали. Спрашивается, где была истина Господня: у этих отдельных монахов или у всей полноты юридически избранных епископов?

Вот это является отправной точкой тех формулировок, которые мы находим у Лютера. И я был очень счастлив, когда из Вашего доклада увидел, что благодаря понятию «соборность» точно так же может думать и ваше богословие и что дух соборности является одинаково выраженным как в малых общинах, так и на больших, Вселенских Соборах. Теперь я остановился перед вопросом, который всегда задается и задается с полным основанием. Как обстоит дело с единством Церкви в истории и с изменениями в ней? Перед этим вопросом уже 200 лет стоят богословы. Как надо в данном случае объяснить то, что действительно имеют место некоторые изменения, отклонения в церковной жизни? На этот вопрос иногда дается ответ, что это есть распад. Но это неправильный ответ. Конечно, может быть распад в Церкви. Но то, что происходит на самом деле, по-видимому, будет наиболее ясно понято из рассмотрения Никейского Собора, как его интерпретировал Афанасий. На самом деле происходит то, что истинное Писание сохраняется в новом выражении. Я осчастливлен подтверждением этого в Вашем докладе, и все мы здесь осчастливлены этим. Мы едины в той мысли, что истина Церкви не может отклоняться и что она не колеблется в течение веков. Вот почему мы и основываемся на слове апостольском, которое является единственным выражением этой истины.

Вопрос касается того, как выражается внешняя видимость этого единства Церкви. Вам, конечно, легко говорить об одной неразрывной линии, на протяжении которой все время это единство казалось ненарушенным. А мы все время хотим это единение взять, возвращаясь к его первоначальному выражению. Я хотел бы пояснить примером, который сознательно беру из жизни не Лютеранско-Евангелической Церкви, а Римско-Католической. Насколько мне известно, у нас в Германии нет ни одного монастыря, в котором жизнь бы шла неизменно по древнейшим образцам. Есть только один монастырь, который сохранил древнее предание. Курьезно, но это лютеранский монастырь, возможно, кому-нибудь из вас известный. Что мы имеем теперь в Германии во всех римско-католических монастырях? Жизнь там основывается на нормах нового монашеского движения, которое возникло в середине прошлого века. С конца XVIII века, к великой радости как Римско-Католической Церкви, так и окружающего населения, эти католические монастыри прекратили свое существование. И только в середине XIX в., двумя поколениями позже, вновь стала расцветать монастырская жизнь, ча-

стично даже в старых монастырских стенах. Если вы какого-нибудь монаха спросите теперь, как обстоит дело с последовательностью, то, конечно, он найдет обоснование для нее где-нибудь там, в глубине средневековья. Но затем он скажет, что старый порядок распался, так как мы его не могли нести на себе и потому начали все заново. Повторяю, опора нового начинания находится именно в древнем монашеском предании. Конечно, у нас это гораздо сильнее выражено теперь, чем в Католической Церкви. Но этот пример должен показать, что имеются такие области, где дело обстоит таким же образом.

Теперь мы подошли к очень трудному вопросу. Как эта последовательность в истории, в которую верят, соединяется с видимой на опыте непреемственностью? Я бы сказал, что преемственность относится к Божественной природе, а последовательность — к человеческой стороне. Но то, что мы видим, это есть как раз человеческая сторона. В человеческой стороне мы можем видеть эту преемственность, за которую держится наша вера, но которая не является сама собой разумеющейся. Здесь, конечно, есть напряженность. Я не хочу спорить, что ее нет, но если мы вернемся к христологическим положениям, которые были затронуты на Халкидонском Соборе, то я думаю, что мы можем сделать один шаг вперед, отметив, что у Самого Господа сначала ничего нельзя было видеть, кроме человеческого лица, такого же, как и у всех других. Этот Человек из Назарета начал поступать, по словам ап. Петра, как Сын Господень. И не потому только, что это можно было видеть, но и потому, что в нем была, как мы верим, сила Святого Духа.

Точно так же дело обстоит с преемственностью и непреемственностью. Дело здесь не в том, что в течение поколений происходят изменения, которые принимаются или не принимаются, а, я думаю, в том, как мы в этом отношении понимаем определения древних Соборов.

Доц. В. Д. Сарычев

К сожалению, я не присутствовал на заседании, где заслушивался доклад. Но тема настолько интересна, что и на основании более ускоренного ознакомления путем чтения я решаюсь сказать несколько слов. Мне кажется, что этот доклад подтверждает то мнение, которое создалось при прослушании двух предыдущих докладов. Мы усматриваем все больше и больше общих точек зрения по основным вопросам богословия. В данном случае мне хочется отметить как положительный момент, что в вашем богословии так же, как и в нашем, отрицается развитие догматов и признается богопросвещенное значение Вселенских Соборов. Я умышленно изменил формулировку, данную в докладе, где применяется слово «богодухновенность». Мы признаем соборы именно богопросвещенным установлением, потому что понятие «богодухновенность» мы относим лишь к слову Божию. Чрезвычайно приятно было слышать такое высказывание, что задача Вселенских Соборов состояла не в создании новых вероучительных положений, а только в закреплении слова Божия, в противоположность всем новшествам, когда речь идет «о постоянно повторяемом засвидетельствовании единой истины, против постоянно оживающего заблуждения».

Но наряду с этим хотелось бы задать вопрос по той части доклада, которая немного нарушает его такую положительную гармонию. С переменным чувством я прочитал абзац во второй части доклада, где сказано: «Эта установка вполне соответствует позднему развитию, которое имело место в Церквях реформации. Мы можем сказать даже, что, кроме православных, ни одна Церковь сегодня так не прибегает к аргументам «от отцов», как Церковь Лютеранская, правда, она ссылается на отцов реформации».

Мы должны уточнить, что православие ссылается на отцов Церкви по одному только историческому признаку, именно такому, который

показывает их непрерывное соответствие общему свидетельству слова Божия на протяжении всей истории Церкви. Если в евангеличестве авторитет начинается только с реформации, то как же тогда понять непрерывность церковной традиции? Она как-то поневоле ставится под сомнение при чтении этого абзаца.

К. М. Комаров

Последняя часть доклада проф. Кречмара вызывает большой интерес. На 12-й странице содержится очень хорошая формулировка, что в Церкви после Пятидесятницы не наблюдается постоянного развития догматов. Только что выступавший проф. Кречмар сказал, что истина Церкви не колеблется в веках. Это вполне православное высказывание, противоположное католическому воззрению, утверждающему идею развития догматов.

На той же, 12-й, странице сказано, что правовое учение Св. Писания авторитетно в силу действия Святого Духа. Затем идет выражение, которым святые отцы возводятся в ранг богодухновенных. Специфика доклада такова, что автор, ссылаясь на святых отцов, очень часто говорит, что они святые. Это нам очень приятно слышать. Но святые отцы не являются богодухновенными, подобно писателям священных книг, а богопросвещенными.

Отсюда вытекает понятие о Соборах. В докладе проф. Кречмара ставится вопрос: как отличить Поместный Собор от Вселенского? Мы считаем, что Поместные Соборы являются как бы предсоборными собраниями. Они проводят подготовительную работу для Вселенских Соборов. Это те же съезды и конференции Лютеранской Церкви. Каков критерий для определения подлинности семи Вселенских Соборов? Мне кажется, в докладе Н. А. Заболотского можно найти этот критерий. Он составляется из отдельных моментов, характерных для соборной деятельности Вселенской Церкви. Это — живое руководство Духом Святым, единство веры, единство любви, устремление ко спасению всех, составление точных догматических формулировок изначально принадлежащего Церкви доктринального учения.

Проф. Н. Д. Успенский

Пусть извинит меня мой коллега. Мы с ним православные, но мое богословское понимание вопроса не позволяет с ним согласиться в критериях Вселенских Соборов. Не все так легко и просто, как иногда нам представляется. В истории бывали случаи, что Собор по смыслу и не был Вселенским, а принимал позднее значение Вселенского. Не секрет, что Второй Вселенский Собор был представлен только восточными отцами, а с Запада был один епископ Асхолии, который прибыл на последние заседания. Император Феодосий не желал присутствия на Соборе западных епископов и созвал Собор в Константинополе в то время, когда в Риме проходил свой Поместный Собор. Феодосий делал это, опасаясь, чтобы между восточными и западными отцами не произошло такого же расхождения, какое было на Сардиийском Соборе. И это значит, что не всегда на Соборе было единство любви и веры. В частности, не было этого абсолютного единства и на Константинопольском Соборе. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать прощальную речь Григория Богослова, сказанную им при оставлении Собора.

Также нельзя ставить такой критерий, что если Собор заботился о вере, то он Вселенский. Разве Евстафий Антиохийский, собравший в 324 г. Собор епископов для предотвращения арианства, не заботился об истинной вере? Однако его Собор не был Вселенским. Нельзя быть примитивными в делении Соборов на Поместные и Вселенские.

Вопрос о Соборах гораздо сложнее, чем думается. Поместные и Вселенские Соборы заботились о спасении. И это было их первой за-

дачей. Любовь должна была быть всюду, точно так же, как и единство веры. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, мы должны понимать человеческую природу. Мы должны понимать, что Церковь есть Тело Христово. Глава Тела — Христос, Который есть абсолютная непогрешимость, абсолютная Божественная святость. Члены Церкви — это мы со своими положительными качествами и недостатками.

Конечно, сейчас никто не возьмет на себя разрешение богословской проблемы признания Вселенской Соборности. Это трудно сделать, как трудно понять, например, Третий Вселенский Собор. Известно, что этот Собор состоял из двух соборов, и они не провели ни одного совместного заседания. Наоборот, антиохийцы анафематствовали Кирилла, а Кирилл анафематствовал Нестория и Иоанна. И если взять императорские сакры, утверждавшие деяния Собора, то увидим, что Феодосий в одной сакре сразу утверждает анафематствование и Кирилла, и Мемнона, и Нестория. А потом этого Нестория с честью отпускает как бы восстановленного, а Кирилла признает подлежащим суду, а затем признает всех в сушем сани и требует, чтобы они уехали из Ефеса. В сущности два года после Собора был разрыв между двумя крупнейшими частями Восточной Церкви: Антиохийской и Александрийской. Несмотря на это, мы принимаем Ефесский Собор как Вселенский. Всеенское значение его становится понятным после Халкидонского Собора.

Таким образом, проблема Соборов чрезвычайно глубока и ее нужно серьезно разрабатывать.

Выступления докладчиков

Д-р Г. Кречмар

Я с большим удовольствием прослушал доклад и с большой радостью могу присоединиться к тому, что уже сказал проф. Вольф. Я счастлив тем, что дано одинаковое определение в исторической и богословской области.

Говоря о понятии «соборность», я хочу указать еще следующее. Вы совершенно ясно разграничили догматическое значение Соборов от канонического. В последней области вопрос встает о принципе икономии, который вы так хорошо развили в вашей Церкви. Я хотел бы сказать, что в некоторых деталях думаю по-иному, нежели вы. Но в этом случае я согласен с вами. Мы с вами увидели в последние дни большое единство Церкви, которое себя обнаружило, единство Церкви, в которое мы сейчас верим, верим, что его увидим и поймем, так как самое важное и решающее сказано.

Я еще раз хотел поблагодарить д-ра Успенского. Как Вы хорошо сказали, вопрос сводится к тому, чем является Вселенский Собор. И здесь же возникает вопрос: кто такой святой отец в соборном смысле? Святой отец — это тот, кто нам сказал большую истину, и Вселенский Собор — это такой Собор, в котором все христианство слышит голос Духа Святого. Некоторые соборы хотели быть Вселенскими, но они в этом ошибались. Но то, что мы действительно можем сделать здесь, на земле, — это просить Духа Святого просветить нас. Мы будем надеяться на то, что Он не оставит нашу просьбу неисполненной. И в общении с этим Голосом мы можем прислушиваться к голосу отцов Соборов, не только отцов реформации, но единой, Святой, Апостольской Церкви, начинающейся от апостолов, так как мы понимаем решения ее первых Вселенских Соборов.

Доц. Н. А. Заболотский

Мне хотелось сказать, что существенным явлением жизни Церкви является Собор. И я говорил о «соборности» только для того, чтобы подчеркнуть значительность этого явления. Приведенный текст Св. Писания — это аргумент к теме «соборность». Из него нельзя вывести за-

ключения, что Собор — это совсем маленькое собрание конгрегации. Хотя оно, в известном смысле, тоже маленький собор. Конечно, Поместный Собор — это не то, что Собор Вселенский. Но в определении того, что является Вселенским Собором, очевидно, может иметь силу только ретроспективное суждение, т. е. мы должны судить о соборе по его результатам и по тому, как признала его вся полнота Вселенской Церкви. Поэтому я говорил о времени, как о самостоятельном факторе соборной деятельности, ибо Духу Святому, действующему в Церкви и приводящему свободу Церкви в соответствие с волей Божией ненасильственно, свойственно действовать во времени.

Мне хотелось подчеркнуть мысль, что жизнь Церкви весьма многообразна, и Собор, являясь органом церковной жизни и естественным ее выражением, отражает жизнь Церкви во всей ее полноте. Он не только борется с еретиками, но заботится о всем, что происходит в жизни Церкви.

Я думаю, что конечная цель наших богословских встреч — единение — и может осуществиться через Собор.

4-й день.

13-е заседание (утреннее). Председатель — д-р А. Вишман.

Доклад доц. В. Д. Сарычева «К критике и продолжению важнейших позиций евангелическо-православных переговоров I» (Арнольдсхайн, 27—29 октября 1959 г.).

14-е заседание. Председатель — епископ Алексей.

Доклад д-ра Р. Сленски «Соображения к богословскому собеседованию между представителями Русской Православной Церкви и Евангелической Церкви Германии».

15-е заседание (вечернее). Председатель — д-р А. Вишман.

Дискуссии по докладам.

Проф. Н. Д. Успенский

Мое выступление не имеет цели критиковать тот и другой доклад. Меня лично оба доклада вполне удовлетворили. И хорошо, что первый представляет ретроспективное освещение проделанной богословской работы, а второй намечает пути для дальнейшего. Как участник двух Арнольдсхайнов, я хочу сравнить первый Арнольдсхайн со вторым.

Когда мы приехали на первое совещание с евангелическими богословами, мы были охвачены чувством незнакомства не столько с обстановкой, сколько с течениями богословия, какие могли нам встретиться. Я воспитанник старой духовной семинарии, проходил богословие по учебникам 80-х годов и хорошо усвоил, что лютеране — христиане не высокого ранга, потому что они учат, что спасение совершается через веру, а добрые дела можно и не делать. Доклад «Спасение через веру» я делал потому, что мне это благословил покойный митрополит Николай. Но уже при составлении доклада мне самому казалось, что то, чему я учился, не соответствует действительности.

Когда мы приехали в Германию, наши друзья показали нам в Ганновере больницу эпилептиков, тяжело больных детей. Мы были приятно удивлены, когда узнали, что эта больница содержится исключительно на церковные средства и что многие из обслуживающего персонала работают в этой больнице, называясь диаконами и диакониссами, добровольно и бесплатно. Они на определенный срок — на год, на два — берут на себя подвиг ухаживать за больными.

Потом мы были в Вуппертале. И там есть целый городок такого же типа больниц, но с более тяжело страдающими больными. Там их несколько тысяч. Мы беседовали с врачами и медсестрами, видели при больнице богословскую школу, в которую идут учиться юноши, чтобы быть пасторами этих больниц, потому что не всякий человек действи-

тельно способен нести на себе бремя поддержки таких больных. Для этого нужен особый подвиг.

Увидев это, я подумал: как я когда-то был не прав! И как хорошо, что я делал доклад, влекомый своим внутренним чувством, а не по старому учебнику! И в каком бы глупом положении я был, если бы, посмотрев эти две больницы, я стал обличать лютеран, что у них нет добрых дел!

Сегодня у нас 2-й Арнольдсхайн. Мы беседуем здесь уже не с незнакомыми нам людьми, а (по крайней мере для меня и для Владимира Ивановича) со старыми друзьями и соратниками по Арнольдсхайну I. Наши друзья, несколько дней живя здесь, в Лавре, видели православное богослужение. Я знаю, что на Западе (это не относится к моим друзьям) существует воззрение на русских православных людей, что они больше обрядоверы, чем подлинно верующие люди. Думаю, мои друзья теперь скажут на Западе, что они встретились не с обрядоверами, а с глубоко верующими людьми. Находясь часами в церкви, православные верующие в молитвах и пении вполне находят отражение того, что они мыслят и что они переживают. И это стояние за богослужением есть показатель глубокой религиозной насыщенности. Образно говоря, глубоко проникнутый чувством веры человек своей душой ищет какого-то осязания, ощущения или воплощения этой веры. Никакая любовь к обрядам, никакое обрядоверие не заставило бы его часами молиться. Я думаю, что это очень важный момент. Он нигде не отражен у нас, ни в каких резюме и ни в каком докладе. Но я думаю, как мне жизнь Лютеранской Церкви, которую я имел возможность наблюдать, открыла на многое глаза, так и западным христианам пребывание в такой обстановке покажет всю глубину веры русского народа. И это даст понять, почему у нас служба идет по 2—3 часа, а в большие праздники и больше, а народ не устает. Рассуждая так, я думаю, что нам дают эти встречи — первая и вторая? Мне многое дал Арнольдсхайн I, вам, я думаю, многое дала вторая встреча, в Загорске. На основании того, что я видел там, в Ганновере и Вуппертале, я своим воспитанникам говорю, как нужно понимать учение лютеран о спасении верой. Так и вы на основании виденного скажете своим братьям — лютеранам, какую глубину представляет наша православная русская вера.

Теперь я хочу сказать и о самой работе 1-го и 2-го собеседований. Если взять работу 1-го Арнольдсхайна, то там были две темы: Св. Предание и спасение через веру. Я не назвал бы их кардинальными. Но я назвал бы кардинальными темы Загорского собеседования — 2-го Арнольдсхайна. Как будто чувствуется некоторая случайность в назначении тех тем. В подборе тем для второго Арнольдсхайна я вижу определенный, я бы сказал, глубокий подход. Первая тема — благодатность богослужения, вторая — соборность. Но ведь, в сущности говоря, благодатность и соборность — это два основных свойства подлинной Церкви. Отсутствие благодатности и отсутствие соборности, как показывает святоотеческая мысль, является верным признаком отсутствия самой Церкви. Короче говоря, мы подходим вплотную к важнейшей теме, именно к теме учения о Церкви. Если мы с позиций благодатности и соборности в дальнейшем будем размышлять над проблемой Церкви, то, естественно, легче будет решить вопросы и священноначалия, или иерархии, и Св. Предания и другие важные моменты. Таким образом, я констатирую тот факт, что от первого Арнольдсхайна мы идем уже более ровной дорогой к дальнейшему сближению. Мы берем не случайные темы, а, я бы сказал, нащупываем методологию этого пути к сближению.

Я считаю положительным результатом наших собеседований — знакомство с нашими взглядами, методами и подходом к решению тех

или иных богословских вопросов. Сейчас хорошо намечается, как подходим к цели мы и как к этой цели идут наши друзья. Пример этому я вижу во вчерашних выступлениях доцента К. М. Комарова и проф. Кречмара по вопросу о Вселенских Соборах. Константин Михайлович идет к определению Вселенских Соборов от того идеального понятия, которое преподносится нашему представлению, а проф. Кречмар — от исторической обстановки. Мне думается, если бы мы исходили всегда из идеальных представлений, то едва ли мы подошли бы к сближению с нашими друзьями, привыкшими мыслить и освещать вопросы с исторической позиции и с позиции реализма. Для них наше идеальное представление было бы, конечно, неубедительно. Но без такового трудно понять православие. Я поэтому думаю: хорошо, что мы идем от разных полюсов к одной цели. Таким образом мы легче можем установить, что представляет собой Церковь во всей полноте ее церковной жизни, как сказывается в ней соотношение Божественного и человеческого.

Я еще хочу сказать, что мы иногда не понимаем языка друг друга. В качестве примера я укажу одно место из доклада проф. Кречмара. В своем докладе он говорит, что Церковь может также вырождаться и что в таком случае Церковь может восстановить свою подлинную, соответствующую воле Божией, природу. Для нас, православных, привыкших иметь в виду только положительную, Божественную сторону, на первый взгляд такое высказывание г-на Кречмара покажется новым и, может быть, даже страшным. Но если мы рассмотрим историю, например, Римской Церкви, тогда все станет на свое место. Можно еще коснуться одного момента из доклада моего коллеги В. Д. Сарычева. Он говорит, что, по высказыванию проф. Иванда, в протестантском представлении молитва отграничивается от добрых дел, и как пример приводит факт раскаяния благоразумного разбойника. Сегодня между нами нет проф. Иванда, но он жив о Господе и, конечно, радуется сегодняшним нашим успехам. Может быть, коллеги проф. Иванда сочли неудобным выступить с разъяснением его взгляда. Но я считаю необходимым внести корректив в этот вопрос. Мы с проф. Ивандом беседовали, и он не отграничивает молитвы от добрых дел, но смотрит таким образом, что молитва есть проявление глубокой веры. Это еще не добродетель, но проявление его внутри. «Непрестанно молитесь». Для него вера, молитва и добрые дела были так же неразделимы, как душа и тело.

Мне хотелось бы сказать одно пожелание по части нашего резюме. Обсуждение результативных документов оставляет у меня впечатление, что мы иногда еще как-то боимся и как будто не доверяем или опасаемся друг друга. Мне думается, что в этом отношении нам нужно взять в пример Василия Великого. Напомню, что на Первом Вселенском Соборе был принят термин «омоуснос». Сам этот термин, с одной стороны, пресекал арианство, а с другой — давал основание для савеллианства. Не случайно так резко отделялся тогда Восток от Запада. На Западе многие склонны были мыслить по-савеллиански. И это понимал Василий Великий, который считал, что этот термин должен получить новый смысл, новое содержание. Но это требовало терпеливой работы. Видимые следы этой работы мы видим в Никео-Цареградском символе, который не имеет выражения «из сущности», существовавшего в Никейском символе. И это результат большой работы Василия Великого.

Нам иногда трудно выработать точную терминологию, дать правильную формулировку. Наши термины могут быть неудачными. Но я верю, что залогом удачи дела будет наша вера, наша любовь, наше желание, чтобы наши Церкви сблизились. Мы не знаем, когда это будет. Может быть, к нам относятся слова «не ваше дело знать времена

или сроки» (Деян. 1, 7). Но я верю, что с чувством желанья сближения наших Церквей мы можем и дальше с успехом проводить нашу работу.

Д-р Э. Вольф

Задача сегодняшнего дня, как на это указали оба сегодняшних доклада, состоит в том, чтобы бросить критический взгляд назад, на Арнольдсхайн I, и сделать своего рода образец из обеих богословских встреч для будущего. Проф. Успенский в связи с этим прочитал нам еще третий доклад, за который мы должны его поблагодарить. Я хочу во многом с ним согласиться. При этом я хотел бы уточнить некоторые моменты и в связи с этим в какой-то степени коснуться очень важного доклада нашего коллеги, г-на Сарычева.

Когда готовилось заседание Арнольдсхайна I, я лично сам принимал участие в этой подготовке, но, к сожалению, не смог прибыть на самое заседание. Тогда обе темы мы взяли не совсем случайно. И даже, я хотел бы сказать, мы их подбирали с некоторой заботой. Мы тогда говорили, что нам меньше всего известна из богословия наших православных братьев проблема предания, важность которой выявилась к тому же в различных экуменических собеседованиях. С другой стороны, лучше всего было для нас поставить центром нашего богословия проблему оправдания через веру и представить ее в виде вопроса нашим православным собратьям.

На основе того, что сказал нам г-н Успенский и еще как-то шире развернул доклад проф. Сарычева, который сегодня я прочитал два раза, я убедился в том, что речь идет об очень важных планах для более близкого православного понимания Предания. В этом отношении Арнольдсхайн I прошел недостаточно далеко. У нас проблема Предания всегда рассматривалась с точки зрения полемической, именно, в полемике с Римско-Католической Церковью. Только в более позднее время для нас проблема Предания стала важной в богословии, именно в связи с пониманием Нового Завета. И чем больше и дальше у нас достигалось единогласие, тем все более и более становилось общепринятым понятие «Св. Предание». Между нами и римо-католическими богословами начались собеседования, которые нас опять заставили идти к тому, чтобы снова выработать наше понимание Предания. Я думаю, что мои коллеги, которые здесь находятся, согласятся, если я скажу, что евангелическо-протестантское учение о Предании мы в догматическом отношении еще не развили. Мы в Арнольдсхайне хотели ощутить это учение в словах православных братьев. Я думаю, что в тех познаниях, которые мы здесь получили, доклад коллеги Сарычева является для нас очень значительным обогащением. Он показывает нам, что круг общих собеседований является еще большим, но задача открывается полной надеждой.

Когда коллега Успенский говорит, что идет дальнейшее освещение сущности Церкви, у меня возникает мысль, что дело идет от выяснения сущности Церкви к выяснению сущности Предания. Это одно. Мне бросилось в глаза также то, что в связи с тематикой для будущих бесед в докладе проф. Сарычева и в приветствии Успенского предполагается в будущем расширить беседы об отдельных действиях благодати. Не случайно, что и в наших тезисах 21 октября в 4 пункте сказано о необходимости развития учения о благодати. Это второе.

Третье — углубление нашего представления о сущности Церкви, исходя из соотношения между Божественным и человеческим началами. Можно сказать, что нам предстоит напряженные беседы о соборности, являющейся предметом веры, и о болезнях истории Церкви, которые во Вселенских Соборах, в их внешнем протекании, всегда проявляются.

Я был очень удивлен теми словами доклада коллеги Сарычева, ко-

торыми он напомнил о моем самом большом друге и коллеге проф. Иванде и в которых вера и добрые дела были отделены. Я хочу сказать, что здесь было простое недоразумение, доведение до крайности случая, о котором говорил проф. Иванд. По лютеранскому пониманию, молитва и добрые дела являются необходимейшими плодами веры. Дело в том, что у Лютера часто понятие добрых дел включено в понятие молитвы. Когда молитва в дальнейшем собеседовании, которое было между Ивандом и Успенским, включена была в понятие добрых дел,— этот вопрос, я надеюсь, разъяснился. Это служит хорошим примером тому, как еще легко возникают недоразумения при первых встречах. При этом выдвигается энергичное требование не пугаться таких недоразумений. Надо найти возможности для старательной дальнейшей разработки. Мы с самого начала должны считаться с возможностью таких недоразумений и не смеем, как это сказал Успенский, иметь слишком большой страх перед ними. И именно здесь, в Арнольдсхайне II, мы почувствовали, что в области богослужения мы близко стоим друг к другу и что являемся братьями во Христе.

16-е заседание. Председатель — епископ Алексей. Продолжение дискуссии.

Н. П. Иванов

В протестантском богословии вопросу добродетели не уделяется места. Главное в спасении и оправдании занимает вера. А между тем, протестанты творят «добрые дела». Откуда же протестанты взяли то, что нужно творить добрые дела? Очевидно, Евангелическая Церковь. Церковь, называющая себя Евангелической, подчеркиваю, взяла это из Евангелия, а насколько богословие соответствует или не соответствует этому, это уже вопрос другой. Очевидно, наставники, пасторы и другие руководители Евангелической Церкви учили тому, что написано в Евангелии.

Интересно, что Церковь вошла в мир и победила мир, когда еще не было разработано богословие, т. е. когда еще не было сложных богословских систем. Послания ап. Павла, содержа в себе глубины богословия, не напоминают собой учебника богослова, и, несмотря на это, именно в этот период отсутствия школьного богословия Церковь победила своего самого страшного врага — язычество. Системы богословия были отработаны в следующем периоде, когда Церковь уже заявила себя всему миру с положительной стороны.

Следовательно, мы имеем три величины: Евангелие, жизнь и богословие.

Из опыта Церкви видно, что жизнь христиан прежде всего проверяется Евангелием. Богословие разъясняет Евангелие. Богословствование может быть истинным и ложным. Мы видим из примера жизни Церкви, что богословие Ария было догматически ложным. В каком же отношении богословие Ария прилагалось к жизни? Если бы распространилось учение Ария, то оно подорвало бы психологические основы христианства, ибо оно, вставляя промежуточное существо, отрывало человека от Бога. Перед нами вопрос отношения теории к жизни. Теория, в данном случае богословие, должна соответствовать жизни. Ложная теория не оправдала себя и была отброшена. Посмотрим на историю дальнейших Вселенских Соборов, о которых вчера с таким жаром дискутировали. Если бы, предположим, учение монофизитов или несториан одержало верх в Церкви, оно бы не только не дало нам правильного догматического положения, но и сильно помешало бы самой практической жизни христиан. Психология и антропология разрабатывались в IV и V вв. и затем были оставлены до XIX в. В XIX в. снова возродились эти две науки. Если бы мы сейчас имели догматику несторианскую или евтихианскую, то мы оказались бы гораздо ниже

современной антропологии и психологии. Мы не сумели бы построить свою христианскую психологию и антропологию.

Следовательно, Соборы оставили нам хорошее наследие, которое и сейчас нам ценно. Отсюда понятно то выражение, которое записано в резюме, что мы с благодарностью вспоминаем деяния Вселенских Соборов. Отсюда и заключение к тому, насколько ценно Церковное Предание, насколько оно практически себя оправдывает. Если сейчас мы с чем-то спорим, то в порядке спора должен стоять вопрос, как теория должна относиться к практике. Поэтому вопрос об оправдании верой или добрыми делами — а он сейчас ставится в противопоставлении: или вера, или добрые дела (я при этом имею в виду западное богословие) — должен разрешаться и на основании Св. Писания и на основании практической потребности Церкви. А мы уже говорили о том, что Евангелие соответствует потребностям человеческой жизни, и о том, какое значение имеет опыт.

Богословие должно строиться так, чтобы оно отвечало опыту Церкви и потребностям человеческой души. Короче говоря, теория должна соответствовать практике.

Д-р Г. Харбсмайер

Когда выступал проф. Успенский, он говорил то, что соответствует настроению моего сердца, в особенности, когда он описывал, как у него обстояло дело с Арнольдсхаймом I. Я являюсь учеником критического богословия, которое развивалось в Англии под руководством Рудольфа Бультмана, а уже оттуда распространилось в Германии. Я прибыл сюда, имея религиозные понятия, порожденные критическим богословием. И жизнь Православной Церкви через ее богослужение я готовился наблюдать скептически и придирчиво, но не смог этого сделать, поскольку мое сердце было охвачено волнением. Проф. Успенский как раз подобрал то самое выражение, которое характеризует мое внутреннее состояние.

Я также являюсь учеником богословия, которое определяется как «экклезия». Конечно, нет отпадения Церкви как таковой, а есть только отпадение от Церкви. И нет все время реформирующейся Церкви, а есть всегда призываемый народ в Церковь. Нет никакого смысла говорить о реформации, если действительно существует одна, единая, святая Церковь, в которой Св. Предание все время сохраняется. Только в том случае, если в эту Церковь верить как в реально существующую, можно осмысленно говорить о реформации, как ведущей к Церкви, как о возвращении в Церковь.

Проф.-прот. К. Ружицкий

Если вера рождается от слышания, все, что мне пришлось с удовольствием слушать, породило во мне веру в то, что не только возможно взаимопонимание между нами и представителями Евангелической Церкви, но с Божией помощью возможно и единство веры, и единение Церквей. Я обратил внимание на одно место доклада одного из наших братьев, где он сказал, что Лютер мало знал православие, и если бы он больше знал, пожалуй, мог бы сказать и о многом другом. Теперь я убедился, что наши братья как раз сейчас и изучают православие и, таким образом, восполняют своего учителя — Лютера. И другой момент меня тоже уверяет в успехе наших дальнейших переговоров. Критика и борьба Евангелической Церкви была главным образом направлена в сторону Католической Церкви. Православная Церковь в этом отношении занимала выгодное положение. И вот сейчас наступили дни, когда между Евангелической Церковью и Православной начались дружественные взаимоотношения.

В свете этих высказываний я и желаю нашим ученым братьям путем присущего им трудолюбия в изучении богословия и всего того,

что здесь было сообщено нами, православными, продолжать свою священную работу, в чем да поможет нам всем Господь.

Епископ Алексий предлагает выслушать докладчиков.

Доц. В. Д. Сарычев

Мне прежде всего приятно отметить, что православное учение о Предании, которое мы в самых общих чертах пытались изложить, правильно понято и положительно воспринято нашими братьями. Правильно сказал проф. Харбсмайер, что истинная Церковь реформироваться не может и что если происходит реформация (как я понял, он имеет в виду истинную реформацию, законную), то это есть не изменение Церкви, а изменение человека, который ушел от Церкви и хочет вернуться к Церкви. Но вопрос в том, что для правильного понимания законности реформации, истинности церковной реформы, ее обоснованности нужно очень хорошо понимать и чувствовать Предание, живущее в Церкви. Это нужно и для того, чтобы до конца понять, с каким благоговением нужно относиться к Церкви. Вот почему так необходимо дальнейшего расширение нашей работы по изучению Предания. И, кажется, что в этом отношении мы не встречаем противоречий со стороны наших собеседников.

Некоторые возражения я почувствовал в другом богословском направлении, именно в части расширения нашей богословской работы в сторону раскрытия учения о Церкви. Доктор Сленска сказал первым, что учение о Церкви сложно. «Возможно ли нам вообще определить сущность Церкви? — задает он вопрос. — Да и вообще стоит ли заниматься этим?» Я хотел бы ответить: Церковь нам дана как благодатный фактор, и мы должны чувствовать это наличие себя в Церкви и жить в Церкви. Но для того, чтобы существовать в какой-то действительности, необходимо все-таки осознать эту действительность.

Действительность мы должны воспринимать сознательно. Просто мистическое восприятие Церкви едва ли может быть достаточно. Ведь Христос тоже нам дан, тем не менее у нас есть большой раздел — христология. На вопрос: можем ли мы до конца исчерпать этот догмат? — безусловно, каждый из нас ответит отрицательно. И тем не менее мы непрерывно, всегда, до конца времен будем заниматься этим догматом, потому что он имеет самое живое отношение к нашей жизни, к нашей христианской практике. Учение о Церкви в основном решается в соответствии с проблемой христологии. Эти два догмата связаны непосредственно, неразрывно. И догмат о Церкви вытекает из догмата о Христе. Поэтому нет оснований эту работу считать для нас ненужной.

Почему она еще необходима? Мы говорим о Предании. Предание — это один из моментов жизни Церкви. И получится у нас так, что мы из-за этих деталей не будем иметь понятий об основном. Не получится ли так, как говорится у нас в поговорке, что мы из-за деревьев не видим леса? Не лучше ли войти нам в этот лес и видеть все деревья, которые нас окружают? Мне кажется, что вопросы Предания уяснятся, если мы будем достаточно хорошо развивать учение о Церкви. Поэтому желательно включить этот вопрос — о дальнейшем развитии учения о Церкви — в нашу дальнейшую программу.

Теперь в отношении проф. Иванда, который почему-то упоминался здесь дважды. Я включил его имя в свой доклад вовсе не для того, чтобы положить какую-то тень на него. Проф. Иванда я знал очень хорошо и сохранил о нем самые лучшие воспоминания. Это один из тех, кого я уважал как очень чистого, приятного во всех отношениях христианина. Можно было бы быть несколько затронутыми его друзьями в том случае, если бы я сказал, что он отрицал молитву. Мы не имеем в виду, что он несколько иначе понимал молитву, чем мы. Мы считаем молитву одним из проявлений добрых дел, а он считал молитву самой

по себе, а добрые дела самими по себе. Так что здесь я не совсем понял нашего уважаемого Николая Дмитриевича и евангелического собеседника. Приводя мысль проф. Иванда, я хотел сказать, что при надлежащем понимании молитвы, именно как добродетельности, наше сближение становится еще более реальным. Какие основания у меня были для этого? В своем учении об оправдании верой реформация исходила только из веры. Добрые дела хороши, но они не могут быть включены в молитву о милосердии. Тут нельзя больше ссылаться на сделанное добро, чтобы сразу представить счет. Может быть, здесь неточность перевода, но вот это выражение, что они «не могут быть включены в молитву о милосердии», дало нам основание подумать, что здесь несколько иное понимание молитвы. В действительности молитва и добродетель — нераздельные понятия. Этим мне хотелось рассеять ту логическую преграду, которая нас может разъединять.

Д-р Р. Сленска

Во время дискуссии мы были свидетелями того, как многие предубежденные представления с обеих сторон были устранены. Это часто можно встретить в екуменических беседах и это является свидетельством того, что здесь встречаются сердца. Во всяком случае такое ощущение никогда не должно ввести в заблуждение.

Но различие все-таки есть. Я думаю, что оно должно оставаться в качестве стимула для дальнейшей работы. Ощущение сближения является также необходимой предпосылкой, ибо здесь мы с обеих сторон наблюдали желание разрушить эту разделяющую нас стену. Я не верю в такое богословие сердца, какое существовало в прошлом веке, тем не менее, сердце всегда должно иметь место и даже в том случае, если мы богословскую работу проводим на основании лучших пожеланий, на основании хороших знаний.

В связи с этим я хотел бы добавить кое-что к замечаниям, сделанным проф. Сарычевым. Мне кажется, что здесь в какой-то степени существует недоразумение. Я совсем не говорил, что беседа о Церкви является ненужной. Я хотел поставить вопрос: возможно ли это? Я хотел бы при этом сказать, что богословское определение Церкви должно быть исключено. В свое время я долго бился над проблемой экклезиологии. Думаю, что к следующему собранию я смогу собрать доводы к утверждению, что с этой точки зрения нельзя достигнуть никакого единогласия. Это — проблема, перед которой мы оказываемся лицом в екуменическом движении. И я очень опасаясь и говорю, что преждевременным подходом к этой теме мы в известной степени создаем прецедент. Примером тому служит Второй Ватиканский Собор, который также поставил задачу определить учение о Церкви. Поэтому, возможно, будет лучше, если мы, исходя из этой беседы, сделаем выводы для наших богословских сближений. Может быть, вместе, а может быть, и отдельно мы пойдем по пути, который в дальнейшем укажет нам одну дорогу.

Епископ Алексей

Я хотел бы еще раз поблагодарить докладчиков и всех выступавших сегодня в дискуссии. На исходе 4-го дня наших собеседований я испытываю чувство удовлетворения и радости, но в то же самое время и чувство некоторой грусти. Наши встречи и деловые собеседования прошли в исключительно хорошей атмосфере. Им сопутствовал дух христианской любви. И грустно, что эти дни совместной работы подошли к концу. Сегодня мы заканчиваем наши совместные собеседования. Радостно то, что прошли времена, когда в среде разделенного христианства были препятствия к екуменическим контактам. По милости Божией мы живем в то время, когда христиане различных вероисповеданий встречаются между собой как братья во Христе и ведут

экуменический диалог. Я надеюсь, что наши братские встречи будут продолжены в будущем, будут проходить с таким же успехом и пользой для дела христианского единства и будут служить делу примирения человечества. Я полностью согласен с д-ром Успенским, который сказал, что залогом наших успехов в будущем будут наша вера, наша любовь и наше желание, чтобы сблизились наши Церкви и наши народы

5-й день

17-е заседание (утреннее), председатель — д-р А. Вишман.

Уважаемые епископы, я открываю последнее заседание в этой нашей встрече. Если я правильно вижу, то перед нами стоят две задачи: 1-я — взаимно обсудить тезисы по вчерашним докладам и 2-я — принять общее резюме всех заседаний, вместе взятых.

Происходит обмен мнениями по проекту тезисов, а также обсуждение резюме всех заседаний, после чего тезисы и резюме принимаются единогласно. Заболотский и Сленска прочитали тезисы на русском и немецком языках с уточнениями.

Участники собеседования подписывают резюме и тезисы.

Речь д-ра Вишмана

Я, так же как и приветствие в понедельник, начинаю свое выступление словом, взятым из Св. Писания. В послании ап. Павла к Евреям, в 1-й главе, 3-м стихе говорится: «Он совершил Собою очищение грехов наших».

Глубокоуважаемые господа епископы, уважаемые здесь присутствующие! На заключительном заседании я только что сказал приветствие. Теперь я хочу начать с благодарности.

Эта благодарность в первую очередь относится к Его Святейшеству, Патриарху Московскому Алексию и к руководству Отделом внешних церковных сношений, что они разрешили нам прибыть сюда и здесь вести эту беседу. Эта благодарность относится также и к Вам, глубокоуважаемый епископ Алексий, благодарность за братский прием, который Вы здесь нам оказали, и за возможности, которые предоставили Вы нам здесь, за богослужение, за которым мы могли присутствовать, за беседы, которые мы здесь вели. Эта благодарность относится и к глубокоуважаемому епископу Питириму и ко всем остальным членам делегации. Эта благодарность относится и к глубокоуважаемому ректору академии и ко всем профессорам и доцентам. Эта благодарность относится и к отцу наместнику монастыря, который нас встретил и все время присутствовал среди нас. Эта благодарность относится и к многочисленным молодым нашим братьям, которые во время нашего пребывания здесь дали нам так много повода благодарить их, в том числе и за совместное наше богослужение.

Все то, что я здесь сказал, ведет нас к общей плодотворной работе.

В самом начале своего выступления я произнес слова Св. Писания, из послания ап. Павла к Евреям (1 гл., 3 ст.): «Он совершил Собою очищение грехов наших».

Глубокоуважаемые епископы, все присутствующие дорогие братья! Самым важным и окончательным является то, что нас всех связывает, что нас всех делает братьями, именно то, что Господь небо и землю потряс, чтобы нас всех сделать свободными людьми, сделать нас свободными от сил греха. Этот подвиг Господа относится ко всему миру. Он относится ко всем народам. Этот подвиг Господа относится и к нам, которые здесь собрались во Имя Его, независимо от того, принадлежим ли мы к православному вероисповеданию или к евангелическому, независимо от того, говорим ли мы на немецком или на русском языке. Мы, христиане, являемся в мире теми, кто единственно и по-настоящему свободны.

Глубокоуважаемые присутствующие! Нет более высокого служения, как свидетельствовать искупление через Господа. Это совершается через проповедь, это совершается через литургию. Я хочу это сказать вам, старшему поколению, которое часто устаёт в своем служении или иной раз испытывает малодушие или уныние. Это я также говорю вам, молодым братьям. Я повторяю вновь уже сказанное и обращаюсь к вам. Вы готовитесь к самому высокому служению в мире. Вы хотите быть Его последователями и Его служителями. Я сейчас бы охотно сел вместе с вами, чтобы с вами начать разговор. Я бы просто рассказал вам о той борьбе, которую вели молодые богословы во время борьбы Церкви, о задачах молодых богословов во всем мире. Может быть, как раз эта часть нашей встречи была слишком непродолжительной, но для этого нам попросту не хватало времени. Но сам факт, что мы находимся здесь, свидетельствует нашу общность. Христиане во всем мире следуют призыву Христа. Христиане во всем мире встречаются друг с другом и придают силы друг другу. И если мы с вами совершаем богослужение, как это было здесь, тогда мы можем друг за друга молиться и друг о друге думать. Тогда мы можем друг другу помогать в наших нуждах. Мы здесь собрались в эти дни для того, чтобы ясно выразить ту основу, которая для всех нас является общей. Мы здесь собрались для того, чтобы убедиться в том, что нас гораздо большее соединяет, нежели мы это предполагаем. Когда в июле месяце этого года с д-ром Нимёллером мы были приняты Его Святейшеством, Патриархом Алексием, он мне лично тогда сказал: «Скажите это дома, в ваших церквах». Он сказал дословно так: «Нас объединяет больше вещей, нежели разъединяет».

Я заканчиваю свое выступление сердечным, искренним пожеланием. Наши пожелания в молитвах должны всегда относиться ко всему христианству, чтобы голос о нашем братстве раздавался во всем страждущем мире. Наши пожелания относятся к нашим Церквям, которые должны жить совместно. Мы будем молить Господа о даровании нашим Церквям Его водительства, Его защиты, роста во Имя Его и радости в Духе Святом. Мы должны молиться о Святейшем Патриархе, который нас сегодня будет принимать, просить для него здоровья. Мы должны с благодарностью вспоминать работников Отдела внешних церковных сношений. Мы будем с благодарностью вспоминать академию и семинарию, в которой растет большое пополнение во имя Господне. Мы молитвенно будем вспоминать монастыри в вашей стране, чтобы им всегда была оказана необходимая помощь.

Глубокоуважаемые епископы, дорогие присутствующие здесь отцы и братья! Нашим основным положением должно быть то, чтобы мы всегда радовались будущему пришествию Иисуса Христа. «Гряди, Господи, гряди, Господи!» — это должно быть общей ежедневной молитвой, даже тогда, когда мы здесь еще не будем видимо объединены.

Речь епископа Алексия

Возлюбленные о Господе братья! Наши собеседования, которых мы с таким интересом ожидали и к которым с большим воодушевлением готовились, пришли к своему окончанию. И теперь естественно попытаться, если и не проанализировать проделанную нами серьезную богословскую работу, для чего необходимо известное время, то по крайней мере как-то оценить достигнутые результаты, осмыслить совершенное нами дело.

Какие цели ставили мы перед собой, когда готовились к нашей встрече?

Прежде всего, мы хотели в духе братского и сердечного расположения друг к другу, помня, что мы — дети одного Небесного Отца и последователи одного Божественного Учителя, обменяться нашим хри-

стианским свидетельством о вечной всепокоряющей Истине. Удалось ли нам достичь этого? Мне кажется, что на этот вопрос можно ответить только решительным утверждением: «Да». Господь помог нам исполнить наше намерение с чистым сердцем, с должной ревностью и с желанным успехом.

Мы познакомили друг друга с новыми сторонами нашего богословствования, которых до нашей встречи мы или совсем не знали, или с которых, в лучшем случае, могли только предполагать и догадываться. Мало того, мы старались как можно глубже понять друг друга, проникнуть, так сказать, в самую мысль и самое сердце наших оппонентов. И я не ошибусь, если скажу, что многое и важное мы пережили вместе в процессе нашей братской и интересной дискуссии.

Мы стремились, кроме того, укрепить священные узы христианского братолюбия между нашими Церквями и узы теонной дружбы между нашими народами. Мы хотели бы всей душой помочь делу процветания христианского миротворческого служения. Мы хотели бы достичь того, чтобы наши Церкви, пребывая в нерушимой дружбе между собой, в то же время всеми силами помогали нашим народам всячески «искать то, что служит к миру» (Рим. 14, 19), рассеивая тучи взаимного недоверия, неприязни и подозрений, делая решительно невозможным повторение конфликта, способного перерасти в непоправимую мировую катастрофу.

Достигли ли мы с вами и этой чрезвычайно важной намеченной нами цели? Думаю, что и на этот вопрос можно ответить только положительно.

В сердечной обстановке взаимного уважения, овеянные благодатной атмосферой наших молитвенных устремлений к Единому Богу любви и мира (2 Кор. 13, 11), мы, без сомнения, сблизились и полюбили друг друга, приобрели друг в друге искренних друзей и poznali на опыте, «как хорошо и как приятно жить братьям вместе» (Пс. 132, 1). Можем ли мы сомневаться в том, что каждый из нас сохранит в своем сердце светлые воспоминания о днях нашей встречи и, служа делу мира, будет бережно выращивать посеянные нашими усилиями семена братской симпатии и горячей дружбы?

Мы стремились и еще к одной благословенной цели — созиданию необходимых условий для грядущего общехристианского единства, основанного на единомыслии в вере и на послушании голосу Пастыря-начальника нашего Господа Иисуса Христа. Удалось ли нам сделать что-либо и на этом пути? В какой-то степени, без сомнения, да! Конечно, мы не должны обольщать себя легкомысленной надеждой на то, что единство будет достигнуто путем какого-то смелого компромисса. Это был бы порочный и недостойный нашего христианского звания путь. Но в то же время мы твердо убеждены, что искренние усилия христиан к единству вселенской Истины увенчаются успехом в определенное Промыслом Божиим время, хотя бы для этого и потребовалось великое чудо милости Божией. Я хотел бы в этой связи привести на память одно место из Писания.

Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов, рассказав в шестой главе своего Евангелия о хождении Господа Иисуса Христа во время бури по водам Галилейского озера, сообщает о том, что по приближении Спасителя к лодке, в которой были ученики, лодка каким-то чудесным, чудесным путем пристала к берегу, куда они плыли (Ин. 6, 21). Быть может, нечто подобное произойдет и в истории христианства: после бурь и смятения, вызванного печальным фактом разделения, внезапно наступит благодатная тишина и заветная цель общехристианского единства будет достигнута, к немалому изумлению маловерных. Невозможное человекам всегда возможно Богу (Лк. 18, 27).

Таков, возлюбленные братья, краткий итог наших совместных тру-

дов. Итог этот радует и обнадеживает. Мы, по-видимому, не тщетно подвизались и не тщетно трудились (Флп. 2, 16).

Принося сердечную благодарность всем участникам собеседования, я хочу в заключение высказать несколько искренних пожеланий. Да будет светел и благоуспешен дальнейший путь нашего братского сотрудничества. Да растет и умножается христианская любовь и взаимопонимание между нашими Церквами и народами. Да цветет и торжествует во веки благословенный мир во всем мире. И да будет он основанием экуменического делания Церквей в их стремлении к единству и в служении человечеству.

Теперь мне остается сделать только одно — закрыть собеседования между богословами Православной и Евангелической Церквей. Совершая это, я выражаю глубокую благодарность Господу.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.
